

АЛЕКСАНДРА ДЕЛЬМАРЕ

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ ДИСКО

16+

Александра Дельмаре
Жизнь в стиле диско

«Автор»

2018

Дельмаре А.

Жизнь в стиле диско / А. Дельмаре — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11311-4

Скоро, совсем скоро, прощай, знойный Ташкент. Впереди выпускной вечер в школе, и вперёд! Ольгу Горскую, дочь ответственного обкомовского работника, ждёт МГУ, ждёт столица, по оживлённым улицам которой она будет гулять вместе с новой подругой, москвичкой до мозга костей. И он будет рядом, Анвар. Но судьба решает иначе, напрочь убирая из ее жизни белые полосы и на многие годы разлучая с любимым. Только танец, дело всей ее жизни, снова и снова спасает Ольгу... Действие романа происходит в разное время, это и восьмидесятые, и двухтысячные годы. Александра Дельмаре – творческий псевдоним Ирины Агашиной. Филолог, живет и работает в Ярославле.

ISBN 978-5-532-11311-4

© Дельмаре А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александра Дельмаре

Жизнь в стиле диско

В оформлении книги использованы шаблоны программы графического дизайна Canva
<https://www.canva.com/design/DAE26xV1m5Q/vsUgjcQmF7mjCII0L5TDA/edit>

Часть первая

Глава 1

– Мы выбираем путь, идем к своей мечте, – высокий и сильный голос Юрия Антонова заполнил собой голубую девичью комнату, симпатичную и уютную, но нуждающуюся в срочной уборке.

Кругом в беспорядке разбросана одежда, изящные туфельки и танкетки раскиданы по разным углам. На неубранной постели – лёгкое белое облачко скомканной ночной рубашки, отделанной тонкими кружевами. «Как меня это злит, – Ольга прислушалась к песне, доносящейся из радиоприемника, – поверь в мечту, и всё будет хорошо. Наивные! Только в себя верь, да в свою счастливую звезду. – Она убавила звук. – Челентано лучше б крутнули, обожаю этого красавца».

Девушка принялась осторожно разглаживать оборки белоснежного гипюрового фартука. Старалась, хотя утюг в её руках – явление непривычное и неправильное. Закончив, приложила пену кружев к себе, придирчиво рассмотрела. Идеально! Всегда надо быть на высоте, а сегодня особенно, совсем скоро на неё, дочь известного в городе обкомовского работника, будут устремлены десятки любопытных глаз. В день последнего звонка Ольге Горской, одной из лучших учениц школы, обязательно придется пару раз подняться на сцену за получением похвальных грамот. И самые важные, самые дорогие для неё глаза тоже станут глядеть на девушку из глубины зала. Ольга знала, что этот взгляд будет нежным, добрым, восхищённым...

Уже давно, почти полгода, только так смотрит на неё одноклассник Анвар. Уже полгода у них общая парта, общие вечера под раскидистым платаном в городском парке, общие секреты и великие планы на будущее. В этих планах Москва, МГУ, счастливая студенческая пора, особое время, дающее начало настоящей, взрослой жизни...

В Ташкенте в начале лета всегда жарко, но в этом году творится что-то особенное. На улице невыносимое пекло, загоняющее людей в дома и квартиры, расплавляющее асфальт, заставляющее желтеть и увядать молодые листочки на деревьях. Адова жара стоит уже с неделю, знойная духота улиц – настоящая пытка для горожан. А ещё только первая половина июня, страшно представить, что будет дальше.

Но Ольга думала об этом как-то вскользь, на заднем сиденье автомобиля ей было вполне комфортно. Они ехали по улице Алишера Навои, одной из самых красивых улиц столицы, мимо величественных зданий, прячущихся в тени деревьев. Ещё две минуты стремительной езды, и папина чёрная Волга остановилась недалеко от школы. Сто десятая, лучшая. Здесь учатся отпрыски элиты города, дочери и сыновья директоров заводов и фабрик, детки партийных работников и приближённых к ним лиц. Лучшая школа, ставшая нелюбимой для Ольги после некоторых печальных событий.

Не дожидаясь водителя, девушка сама открыла дверь, легко выскочила из автомобиля. Взяла в руки алые розы, упакованные в прозрачную слюду. Цветы предназначались классной руководительнице Марии Абрамовне, тяжёлый букет ещё хранил свежесть. Подарки для любимого педагога на совести родителей, они появятся позднее.

Анвар... Оля сразу увидела его, стоящего на ступеньках школьной лестницы. Взгляд блестящих антрацитовых глаз устремлен к воротам, ждёт. Её сердце остановилось и застучало вновь. Ольга хотела броситься к молодому человеку, быстрее встать рядом, зажать в своей ладони его руку. Нельзя, никак нельзя, статус не позволяет. Нужно гордо поднять голову и медленно пойти навстречу. Хорош у неё друг, высоченный, ладный, чёрные волосы до плеч, в стиле обожаемого им Джона Леннона, густые, слегка выются. Едва ли не единственный среди стар-

шекласников, он отстаивал своё право на выбор, право носить эту смелую, бесконечно запрещающую в школе причёску.

Тонкая рубашка, белей снега, ловко облегает фигуру, в руках изящный тёмно-синий пиджак в еле заметную полоску. Ольга знала историю появления этого костюма, добытого в московской «Берёзке» за чеки – альтернативные советские деньги. Костюм достали с трудом, хорошо заплатив сверху. Занимался этим Сардор, самый известный в Ташкенте фарцовщик. Девчонки-десятиклассницы на него молятся, многие из них, благодаря его связям, будут блистать на выпускном в очень и очень приличных платьях. Не Франция, конечно, и даже не Польша, но наряды отменного качества.

– Привет, – Анвар протянул к ней руку, оглянувшись по сторонам, быстро клюнул в щёку.

– Давно ждешь? – Ольга сделала вид, что для неё в порядке вещей принимать поцелуи от мальчика на глазах у всей школы. – "Но, кажется, никто и внимания не обратил", – подумала она и оглядела школьный двор.

Кругом были цветы и белые фартуки, притягивали взгляд пышные банты в косичках девчонок и модные галстуки у парней. На праздник последнего звонка спешили идущие парочками родители, степенные папы, часто в строгих костюмах, несмотря на жару, мамы, одетые в праздничные национальные платья из хан-атласа. У входа в школу образовался затор, что неудивительно, ведь сегодня выпускаются целых пять десятых классов.

– Я думал о тебе весь день, весь вечер, – Анвар нежно сжал руку девушки.

– Об экзаменах надо думать, молодой человек, об экзаменах! – она так ловко изобразила ворчание их классной, Марии Абрамовны, что Анвар рассмеялся.

Улыбнулась и Ольга, от его слов стало тепло где-то там, внутри, в загадочном месте под названием душа. «Я думал о тебе». Эти простые слова, как припев счастливой песенки, отныне будут греть её маленькое сердце.

Рядом со своим войском прошла Зося, взглянула зло, прищутив свои раскосые глаза. Свита девушки точно повторила её взгляд. Ольга с Зосей на ножах уже много месяцев.

– Ну, почему, – Ольга повернулась к молодому человеку, – почему нельзя взять ластик и стереть эту девчонку навсегда! Прошлась резинкой, как по рисунку простым карандашом, раз, и нет её на этом свете! Как и не было!

– Ладно, злючка, идём!

Анвар повел её в школу, в актовЫй зал, который они вчера вместе украшали цветущей акацией, воздушными шарами и плакатами. Олечка собственноручно написала на ватмане красной краской «Прощай, выпускник», окружив эту надпись разноцветными цветочками-семицветиками. Как много интересного видели эти стены! Конкурсы чтецов, смотрЫ строя и песни, школьные олимпиады, всего не перечислить. Чего стоят только знаменитые на весь город дискотеки со скромными названиями «осенний бал», «новогодний вечер», куда мечтали пробраться соображающие, что к чему, старшеклассники других школ! Ольга любила этот зал, огромный, с замысловатыми светильниками на стенах. И какое счастье, здесь сегодня есть чем дышать! В зале было прохладнее, чем на улице, тяжёлые портьеры неплотно, но прикрывали окна, защищая от солнечных лучей гостей этого праздника.

Сегодня здесь, под высокими потолками, украшенными лепниной, будет звучать много напутственных слов, торжественных и не очень, но искренних и правильных. Ребята прошли к первым рядам, к местам, предназначенным их десятому «А». Вот досада, почти всё занято. Турнув тихоню Алиева, Анвар усадил Ольгу на освободившееся место, устроился рядом, не выпуская её руки. Алиев хотел было возмутиться, но остановленный долгим взглядом молодого человека, предпочёл сделать вид, что всё в порядке.

Зазвучала музыка, действие началось. «Школьные годы чудесные», – выводил высокий детский голос. Ольга отчасти была с этим согласна, но только отчасти. Слишком много уроков

и домашних заданий пришлось на эти чудесные годы, и слишком много неприятных физиологических встречалось ей в стенах некогда любимого учебного заведения.

Она оглянулась в поисках родителей. Ещё не пришли, здесь не осталось бы незамеченным появление четы Горских. Ну вот, какое-то движение у входа, туда быстрым шагом направилась директриса, значит, сейчас народ станет свидетелем триумфального появления Павла Николаевича и Анны Евгеньевны Горских. Мама! Как всегда, ослепительна! Просила же Ольга её одеться поскромнее, не послушала! Ну к чему здесь это вечернее серебристое платье, это блестящее кольцо?! Днём, в знойный полдень? Ольга опустила голову, мать, как всегда, ставит её в неловкое положение. И как только ей это удаётся?!

А со сцены уже звучит голос отца. Минуту назад он легко поднялся сюда, весело оглядел зал.

– Ну что, мои дорогие? Дождались великого дня? И светлого, и грустного, да? Десять лет ждали, когда школьный звонок прозвенит для вас в последний раз. Весёлый звон колокольчика открывает вам сегодня дорогу в большую, взрослую жизнь. В ней не всё будет гладко, бывает, ухабы и ямы на дороге этой попадаются, но вот такова она, жизнь. А ещё совсем скоро окажется в ваших руках один из важнейших документов – новенький аттестат об окончании средней школы. А если там будут ещё и пятёрки с четвёрками, то я вам завидую, мне, в своё время не выпало такое счастье.

Отец говорил свободно и убедительно, помогая себе лёгкими жестами. Речь лилась плавным потоком, заслушаешься! В зале стояла тишина, народ внимал его простым словам. Такой на баррикады позовёт, пойдут. Ольга смотрела на любимое лицо родного человека, улыбалась. Как он хорош в роли оратора! Наверное, так выглядел бы повзрослевший Павка Корчагин, книжный герой её детства.

Выступление закончилось. Проходя мимо, Павел Николаевич подмигнул своей красавице-дочке, и она быстро махнула ему рукой. Эти двое души не чаяли друг в друге. И жизненные принципы у них одни на двоих, и привычки. А внешне как похожи, да что там, дочь просто папин отпечаток. Те же светлые, чуть выющиеся волосы, синие глаза, высокие скулы.

Поток речей не прерывался, один за другим на сцену выходили солидные мужчины, что-то говорили, за ними ещё и ещё. Народ в зале заскучал, зашептался, на галёрке люди потянулись к выходу, но вот к трибуне вышла Мария Абрамовна. Сказала лишь "в добрый путь", и слёзы полились по её старческим щекам. Зал сочувственно зашумел, пожилую учительницу в школе любили. Наконец-то, наступило время вручения грамот и благодарственных писем, процесс ускорился, что невероятно порадовало выпускников. Пятой по счёту прозвучала Олина фамилия, и она легко вскочила на сцену. Торжественный момент был заснят на фотоаппарат Равилем, водителем отца; сияющая выпускница с огромными белыми бантами счастливо улыбалась в камеру.

Едва ли не первыми выйдя из школы, Ольга и Анвар отправились к Анхору, любимому ташкентцами каналу. Какое счастье, что вечно занятые родители ушли сразу же, как только увидели дочь на сцене. Оставили одну, на свободе, с замечательным другом, о существовании которого, впрочем, они и не подозревали. Молодые люди шли, рука в руке, по раскалённым улицам города, держась ближе к стенам, к их спасительной тени. В какой-то момент Анвар затянул девушку в один из дворов, безлюдный и уединённый, засаженный тополями и платанами.

– Захотел тебя обнять, сил нет терпеть, – парень приблизился к ней вплотную, обвил руками за талию, крепко прижал к груди.

– А я и не буду сопротивляться, – Ольга прошептала это тихо, чуть слышно, удивляясь собственной смелости.

Анвар накрыл её губы своими, теплыми и мягкими, и это было так приятно, что у девушки закружилась голова. "Кажется, я сейчас умру от счастья", – подумала она, подавшись

к нему всем телом. Юноша целовал её щеки, шею, расстегнув пуговички на форменном платье, провел рукой по напрягшейся груди, потом ещё и ещё... Не встречая сопротивления, он сжал эти сладкие округлости, прикоснулся к ним губами. Ольгино тело существовало сейчас само по себе, неуправляемое и непослушное, оно рвалось навстречу этой неизведанной ласке, этой огромной нежности, просило её.

А молодой человек и не думал останавливаться; отогнув край крошечного кружевного лифчика, целовал и целовал её нежную грудь, не мог насытиться. Ольга вздохнула, протяжно и глубоко, когда он вобрал губами её твёрдый бархатистый сосок, погладил его языком, наслаждаясь особым вкусом. С ума сойти! Ничего подобного ещё не было в её короткой жизни. Глаза закрылись сами собой, ослабевшая, обмякшая, она наслаждалась минутами блаженства, которые дарил ей Анвар.

Стукнула дверь, кажется, кто-то идёт по двору к ним навстречу. Как встревоженные птицы, они бросились прочь. Ольге хотелось смеяться, кричать, прыгать высоко-высоко. А ещё ей страшно было взглянуть в глаза парню, смущённая, она отводила взор, глядела себе под ноги.

– Ты такая... такая замечательная... Это было... как прыжок со скалы в ледяную воду. – Анвар не сразу мог подобрать слова, и девушка его очень хорошо понимала.

«Что за день сегодня! Мир изменился, да, он стал другим, лучше и удивительнее в сто раз», – подумала Ольга.

– Анвар, я так счастлива! Давай, всегда-всегда будем вместе, давай? – Она заглянула ему в глаза. – Ненавижу, когда мы врозь.

– Да, да! Вместе. Навсегда.

Уже спускался душный вечер, не принеся прохлады утомлённому жарой городу. Они подходили к дому, где жила девушка, красивому величественному зданию. Именно в таких проживают сильные мира сего, влиятельные и успешные. Попрощались на белых каменных ступенях, ведущих к дверям подъезда.

– Завтра увидимся? Да, Оль, ты как?

Радостно кивнув, она уже хотела сказать "да", но вовремя вспомнила, что, как раз завтра состоится свадьба Рустэма, её двоюродного брата. Вот чёрт! Вся семья обещалась быть. "Все-непременно", – сказал по телефону отец, получив приглашение, Ольга так и слышит его голос.

– Анвар, давай послезавтра? Здесь же в шесть, идёт?

Парень расстроено кивнул, целый день не видеться с Ольгой – серьёзное испытание, тем более, после нового, восхитительного этапа в их дружеских отношениях. Он вспомнил эти сладкие минуты, и кровь застучала в висках.

Прощаясь, девушка на секунду прижалась к нему, и вот уже она мчится по лестнице. Быстрее домой, ей сейчас достанется от матери за долгие гуляния. Не предупредила, за это и получит хороший нагоняй. Контроль, во всем и за всеми – вот кредо её матушки.

В шикарном шёлковом костюме белого цвета, при полном параде Анна Евгеньевна встретила дочь у дверей.

– Ольга, – её голос звучал сухо и строго, – ты, кажется, обещала мне не задерживаться без предупреждения? Или я что-то путаю?

– Мам, такой день раз в жизни бывает... Ну, погуляли с ребятами у канала, когда ещё вместе соберёмся. Кстати, договорились каждый год в этот день собираться у памятника Мужеству. – Оля сделала виноватые глаза, шагнула навстречу матери. – Извини.

Обнять и приласкаться не получилось, мать уже открыла дверь, собираясь выйти.

– Иди, Нюся тебя покормит. Буду поздно. – Она обернулась напоследок, красивая, холёная женщина с равнодушным взглядом. – Да, и не засиживайся у телевизора.

Ольга вздохнула. Как всегда, у матери не находилось для неё ласковых слов. Никогда. Ни в глубоком детстве, когда она, выйдя из группы детсада, бросалась к ней навстречу, ища

утешения и ласки. Ни позднее, когда девочка становилась девушкой, и надо было обсудить с близким человеком столько разных девичьих вопросов, очень важных и деликатных.

В коридор выглянула Нюся, её бывшая няня, а ныне, домработница и просто добрая душа.

– Олюшка, жду тебя с ужином. Манты есть, вкусные-е... Идём, золотая моя, поешь.

Ольгу не надо было долго упрашивать, расправляясь с котлетами, она рассказывала пожилой женщине о последнем звонке, о папиной речи и слезах Марии Абрамовны.

– А Зухра как? Не трогала тебя сегодня эта поганка? – спросила Нюся.

Зухра, предпочитавшая называть себя Зосей, вечный враг Ольги. Враждуют они уже около полугода, обмениваясь мелкими пакостями друг с другом. Просто пинг-понг какой-то! Последняя злая шутка Зухры – порезанное спортивное трико. Когда она успела залезть в Олин портфель, неясно. Хотя у Зоськи есть хорошие помощники, преданные и шустрые. Переодеваясь в школьной раздевалке перед уроком физкультуры, Ольга, к счастью, обнаружила маленькие дырочки на задней части трико. Расчёт врага был прост – опозорить девушку перед всем классом. Не заметив порчи, Ольга вырядится в дырявый спортивный костюм, вот смеху будет!

Началась эта войнушка перед самым новым годом. Как-то перед началом уроков, переодеваясь в сменную обувь, Ольга увидела Зосю, с решительным видом направлявшуюся к ней.

– Ты бы не заглядывалась на Анвара, подруга, не по зубам он тебе.

Вот как? Неожиданное начало. Ольге хотелось рассмеяться в лицо этой наивной дурочке, еле сдержалась. Конечно, ещё никто не знал, что они с Анваром уже пару раз встречались после школы у кафе «Голубые купола», сидели там, на летней террасе, с вазочками мороженого, потом гуляли, держась за руки. А до этого были переглядки на переменах, восхитительно волнующие, после которых она сидела на уроках рассеянная, не слыша ни слова из объяснений учителя. И в школьной столовой Ольга натыкалась взглядом на внимательный взгляд Анвара. Самый красивый мальчик в школе уже обратил на неё внимание, выбрал именно Ольгу среди всех девчонок. И никакой Зосе тут ничего не светит.

После этого сурового предупреждения пошло-поехало, борьба стремительно набирала обороты. Они сшиблись друг с другом, как костяшки домино. Испачканную чернилами крышку своей парты Оля ещё стерпела, не поняв сразу, откуда ветер дует. Но измазанный клеем стул, и вследствие этого испорченная форма, требовал отмщения!

По совету подруги Женьки, тоже крайне возмущённой наглым поведением Зухры, решили попробовать классику жанра – слабительное в компот. Да, в ход пошла тяжёлая артиллерия! Был детально разработан план операции, намеченной на следующий день. Место действия – школьная столовая. Женя якобы случайно опрокидывает стакан с компотом, стоящий перед Зосей и, извиняясь, идёт за новым. На обратном пути за колонной её ждёт Ольга с порошком наготове. План сработал, его результат стал заметен уже в середине следующего урока химии. Заговорщицы понимающе переглядывались, когда пострадавшая тянула руку вверх и быстрым шагом выходила из класса.

Война миров продолжалась, на поле сражения выходили новые люди. Ольге одна только Евгения помогала словом и делом, а у Зоськи – целый табун народу, большая группа поддержки. Всё потому, что папа в облпотребсоюзе работает и много нужного товара может достать для дочки, для её подружек, ряды которых множились с каждым днём.

– Оль, ты что, заснула? Ешь, давай, – Нюся придвинула ближе к ней тарелку с огромными красными помидорами в окружении зелени всех сортов и мастей. – Так что Зоська? Кусалась?

– Нет. У нас временное перемирие.

«И мы ещё посмотрим, кто кого, – подумала Ольга, – хотя и так ясно. Любой рефери присудил бы победу мне, если бы смог увидеть нашу с Анваром жаркую встречу. И его поцелуи, такие прекрасные в своей потрясающей наглости».

Глава 2

Горские прибыли на праздник, когда свадьба была уже в самом разгаре. Отца, как всегда, задержали дела на работе. Дела на работе! Такая фраза звучала в доме чаще других, и Ольга ненавидела её. Эти слова лишали девушку любимого отца, когда он был ей так нужен! Но сегодня папа рядом, и Ольга шла, держа его под руку, прижимаясь щекой к белой отцовской сорочке.

Свадьба по-узбекски, никох-гуй – грандиозная, многочисленная, вкусная. И ещё пышная, очень-очень дорогая. Настоящую свадьбу, с размахом, длящуюся не один день, свадьбу, о которой потом долго бы гудел город, позволить себе могут немногие. Обеспеченные родители Рустэма из этих немногих. А вот и они, уже спешат навстречу новым гостям, церемонно проводят их к местам, отведенным для особо почитаемых персон. Кругом слышны возгласы приветствия, многие мужчины вскакивали со своих мест, подходили к отцу, жали ему руку.

Молодые сидели отдельно, за столом, покрытым белоснежной скатертью и украшенным по краю живыми белыми розами. Стена сзади драпирована белым капроном с вкраплениями красной ткани. Красота кругом, глаз не отвести. Ольга хотела бы такую же свадьбу, роскошную и яркую. А уж она постарается быть самой красивой невестой, и можно не сомневаться, у неё получится!

Ого, начинается традиционное медовое угощение. Это необычное зрелище она видела впервые, смотрела на молодых во все глаза. Чтобы семейная жизнь была сладкой, жених сам пробовал мед и давал его невесте. После этого паре нужно посмотреться в зеркало и увидеть в нем друг друга. Таков обычай, а обычаи здесь чтят. Достаточно взглянуть на расшитый золотом чёрный бархатный наряд жениха, который называется сарпо. Подаренный родителями невесты, праздничный костюм выдержан строго в национальном стиле.

А в центре зала в мерцающем красном платье танцевала женщина, и как танцевала! Языком движений она рассказывала чудесную историю любви. То кружилась, так что разлетались в стороны длинные чёрные косы, то замирала, прогнувшись, и падала на колени, а её гибкие руки продолжали рассказ. В этом танце радость и восторг, там нет печали или грусти. В чём, в чём, а в танцах Ольга разбирается отлично, она столько лет отдала этому прекрасному и нелёгкому занятию.

За столом, напротив Ольги, незнакомый белокурый парень не сводил с неё глаз. Да что такое? Конечно, она выглядела совсем неплохо в новом кримпленовом платье, сшитом специально для этого случая маминной портнихой Гулей. Но это не повод так пялиться на девушку.

Пока родители где-то пропадали, Ольга решила на глоток вина. У вина гранатовый привкус, сладкое и терпкое слегка. А то аппетита у неё нет, чтобы перепробовать все яства, стоящие на столе.

Зазвучала музыка, «Эти глаза напротив» Давида Тухманова, ей очень нравилась эта популярная сейчас песня.

– Можно пригласить вас на танец? – девушка подняла глаза, перед ней, смущённо переминаясь с ноги на ногу, стоял тот, чей взгляд не давал девушке покоя.

– На танец? – переспросила Ольга. Забавно, эти глаза напротив пригласили её танцевать. – Ну что ж, пойдёмте.

Она пошла вперёд, спинка прямая, подбородок вверх, плечи расправлены, Илья Андреевич, Олин учитель танцев, остался бы доволен. Сейчас она покажет, как умеют отплясывать русские девчонки. Парень, шедший сзади, вдруг схватил её за руку, развернул к себе лицом.

– Горская, не узнаёшь, что ли? Ну? Смотри? – Он крутнул головой сначала вправо, потом влево, демонстрируя себя в разных ракурсах.

– Смотрю, но...

– Артек, лагерь "Кипарисный", Костровая площадь, мне продолжать?

– Веселов, ты? Сашка? Вот это да! – Ольга рассмеялась, схватила его за руку, затрясла радостно, хотя хотелось броситься парню на шею. – Ух, как я рада тебя видеть!

– А я смотрю, ты, не ты? Сидит такая взрослая краля. И симпатичная-я...

Он закружил девушку в вихре танца, ловко лавируя в весёлой толпе гостей, где нарядные женщины неуверенно вальсировали в объятиях подвыпивших мужчин. Сашка что-то говорил, она не слушала, в грохоте музыки слов было не разобрать.

Воспоминания нахлынули разом. Артек, золотое время, незабываемые деньки. И бескрайнее, пугающее своей первобытной силой, Чёрное море, подёрнутое дымкой, крикливые белые чайки, кружившиеся над пляжем у лагуны, где они всем отрядом устраивали заплывы. А незабываемый День Нептуна, который не раз снился ей зимой! Ольга тогда нарядилась русалкой, и с распущенными волосами, в окрашенном зелёной странном одеянии танцевала на сцене какой-то фантастический танец. И ещё она помнит череду фестивалей, смотров, торжественных линейек, это была сказка, которой, казалось, не будет конца. Группа ребят из Узбекистана, человек восемь, держалась вместе, мальчишки и девчонки сдружились крепко. Их агитбригада первое место в смотре заняла, выиграла приз – поездку в Севастополь, удивительный по красоте город.

– Оль, а ты помнишь, как мы с тобой в пушкинский грот забрались? И нам потом влетело от Тамары? – молодой человек прокричал всё это ей прямо в ухо.

Да помнит она, многое помнит. В те дни закончилось её детство. Там, у Монумена дружбы всех детей мира состоялось Олино первое в жизни свидание. Как же его звали, этого мальчика? Трудное вьетнамское имя, она никак не могла его запомнить. В их отряде было несколько парней из разных стран, и некоторые уже заглядывались на симпатичную пятнадцатилетнюю блондинку Олечку Горскую.

Они вышли из зала на душную улицу, встали под старым платаном. На окраине вечернего неба, ещё не совсем чёрном, уже проступило ожерелье золотых звёзд. «А помнишь?» звучало снова и снова. Пришедшие из пионерского прошлого истории, доставаемые из шкатулочки воспоминаний, навевали лёгкую грусть. Воспоминания... Никогда не знаешь, как они приходят, когда уйдут, напоследок обняв за плечи ветерком ностальгии, как старый добрый друг.

Саша взял девушку за руку, крепко сжал. Губы его потянулись к её губам, пухлым, манящим, перед зовом которых невозможно устоять.

– Сашка, ты что, сдурел? – Ольга оттолкнула его, возмущённая и негодующая, её рука уже собралась отвесить парню звонкую пощёчину, но Сашкины блестящие глаза смотрели так нежно, что она передумала.

– Олечка, прости, сам не пойду, как я посмел. Нашло что-то... Идиот! Но ты такая, такая...

Не слушая его слов, девушка направилась в зал. Там танцевали двое, он и она, ставшие сегодня мужем и женой. Яркий, завораживающий танец заставил Ольгу остановиться. Какая пленительная красота! Какая сумасшедшая динамика! Она наслаждалась этим прекрасным действием, напоённым любовью. Да, счастливые люди не могут танцевать плохо. Девушка в белом воздушном платье убежала, вскинув руки, он отпускал её так, как будто вырывал своё сердце из груди. Потом устремлялся следом. И вот они уже близко-близко, глаза в глаза, рядом, навеки.

Танец, как картина великого художника, может произвести неизгладимое впечатление. Потрясённая силой и искренностью чувств танцующей пары, Ольга почувствовала, как наворачиваются на глаза слёзы. Подошёл Саша, встал рядом. Смотрел и смотрел во все глаза, пока танец не завершился, пока обессиленные молодожёны не покинули центр зала.

– Знаешь, наверное, вот это и есть любовь, – произнёс он тихо, взглянув на девушку.

Она кивнула. Случится ли и у неё такое счастье в жизни, когда будет, кого любить, будет, на что надеяться и во что верить. Подошёл отец. Всё, необычный вечер закончился, пора домой. Впереди ночь, а с ней мечты, грёзы и тревожащие юную душу красивые сны.

* * *

Он явился на следующий же день, этот наглый Сашка! Откуда только адрес узнал, непонятно. Да ещё и с цветами, просто жених! Хорошо хоть родителей дома не было, на порог бы не пустили. Глядя куда-то в сторону, Ольга вежливо сказала ему несколько холодных и строгих фраз о предстоящих экзаменах и о полной своей занятости в связи с этим удручающим фактом. Со словами «а это лишнее», она всё же взяла протянутый ей букет. А как не взять, если это первые в жизни Ольги цветы, полученные от мальчика. Пять свежих, ярко-красных, благоухающих роз – такой приятный, греющий душу знак симпатии, намёк на взрослые, серьёзные отношения.

Кого угодно смутил бы такой суровый прием, но только не Александра Веселова. Ему ли бояться трудностей! Напротив, преодоление препятствий, мелких и не очень, добавляло куража его жизни.

– Ой-ёй-ёй, экзамены, понимаю, – улыбка озарила его симпатичное лицо, – но когда-то же они закончатся. Когда?

– Двадцатого, – машинально ответила Ольга.

– Вот двадцатого и отметим полученные пятерки. Отмазки не принимаются, – крикнул молодой человек, удаляясь быстрым шагом и не слушая Ольгиных возражений.

Девушка рассердилась, но как-то слегка, не по-настоящему. Похоже, настойчивость – лучший друг этого молодого человека. И уж если быть честной, ей было приятно внимание парня. Да он ухаживать за ней собрался, что ли? Ну, Сашка, балбес! Смешной дуралей!

Но хватит мечтать, дурацкие мысли вон из головы, вперёд к учебникам и тетрадкам! Через три дня первый экзамен, сочинение. Хорошо бы попался Чехов. Или что-то из поэзии, Блок, Есенин. Не дай бог, Достоевский, всё, выпускница срежется на недочитанном «Преступлении и наказании», трояк будет в лучшем случае. А ей нужны только пятерки. Высшие баллы! Пару четвёрок, она так и быть, стерпит, но только пару, не более.

Устроившись на диване в любимом уголке, рядом с одноногим торшером, Ольга лениво листала хрестоматию по русской литературе. Плохи её дела, не идёт учёба на ум, всё время лицо Анвара пред глазами, его губы, наглые, вишнёвые. Его руки, которые могут быть такими нежными. Сердце забилось чаще, и сладко сжалось внутри при воспоминании о смелых ласках молодого человека.

Открылась дверь, без стука вошла мать, судя по причёске, только что вернувшаяся из парикмахерской. Сегодня Лиля, мамин постоянный парикмахер, ей мелкие локоны накрутила, симпатичные, что есть, то есть. А этот голубой брючный костюм, мечта всех ташкентских модниц, как он ей идёт! В области хорошего вкуса матери нет равных. Ольга завидовала её красоте, изяществу, умению подать себя. И что бы ни случилось в этом мире, можете не сомневаться, Анна Евгеньевна будет выглядеть прекрасно при любых обстоятельствах.

– Привет. Занимаешься? – она грациозно прошла по комнате, на минутку остановившись у зеркала, поправила и без того идеальную причёску.

Ольга кивнула, не видит, что ли?

– Прекрасно. Кстати, тот молодой человек на свадьбе, кто он? Из наших?

– Мама, из каких наших? Тут все наши!

– Оля, а вот наивность тебе не к лицу. Кто его родители, знаешь?

– Мам, ну откуда? Мы ни разу не виделись после Артека, – девушка злилась, деление на своих и не своих ей было неприятно. Она, как-никак, комсомолка, и у неё ленинские идеалы. Она помнит, что все люди равны, хотя... тут есть над чем подумать.

– Нюся сказала, что утром к тебе приходил молодой человек. И судя по букету, – она кивнула на вазу с цветами, – сей факт не скрывается. – Это был твой вчерашний кавалер? Похоже, у парня серьёзные намерения на твой счёт.

Ох, уж эта Нюся, кто её только за язык тянул!

– Мама, о каких намерениях ты говоришь? Мои намерения – отучиться пять лет в университете, – Ольга с силой захлопнула книгу.

– Прекрасно, я запомню эти слова, – Анна Евгеньевна с достоинством удалилась, бросив на прощанье строгий взгляд на дочь.

Прекрасно – любимое слово её строгой родительницы. И как же надоело Ольге это пластмассовое слово! Не в первый раз она задумалась, почему не складываются у неё отношения с матерью. Может, потому, что Ольга не приемлет её непробиваемое равнодушие, холодность, отсутствие живых эмоций. Конечно, любая эмоция на лице – это будущая морщинка, а лицо мать бережёт, как фарфоровую вазу эпохи Мин. В фарфоре, благодаря матери, девушка немного разбирается. Уже года три Анна Евгеньевна собирает фарфоровые фигурки, не антикварные китайские, конечно, а кузнецовский фарфор. Балерины, пастушки, цветочницы и крестьянки тонкой, ручной работы, с богатым спектром цветов – их в доме целая витрина.

Взгляд упал на лежавшую рядом книгу. Эх, она точно претендент на троюк за сочинение. Ну, где там, мой трудный Толстой?

«Наташа шла в своем лиловом шёлковом с чёрными кружевами платье так, как умеют ходить женщины, – тем спокойнее и величавее, чем больнее и стыднее у ней было на душе. Она знала и не ошибалась, что она хороша».

«А я? – подумала Ольга, – хороша ли я? Есть ли во мне хоть капля красоты Наташи Ростовой?»

Она вскочила, подбежала к зеркалу. Да, глаза ей выразительные достались, материны. Синие, с длинными ресницами, не нуждающимися в туши; отец как-то сказал, что это омуты с чертями, а не глаза. Скулы высокие, с губами всё в полном порядке. Но вот нос? Ольга pokrutila головой. Нос определённо мог бы быть и поменьше. Ну, да ладно, она не испортит себе жизнь переживаниями о слишком выдающемся носе.

Девушка провела рукой по груди, расстегнула несколько пуговиц на халате. Открывшаяся картина не вызывала неприятных чувств, напротив, нежные, задорно торчавшие грудки, уже не помещавшиеся в недавно купленный лифчик, очень даже ничего выглядят. Она протянула руку. Здесь и вот здесь, в этом особенном, потайном месте побывали руки Анвара. И его теплые губы, она помнит их горячие прикосновения. Застегивая халат, Ольга глубоко и прерывисто вздохнула. Какое счастье, сегодня они увидятся вновь. О, небо, дай ей сил и терпения дожить до этой долгожданной, волнующей кровь встречи.

* * *

– Что ж, комиссия вполне довольна твоим ответом. Пять баллов, Горская, поздравляю, – улыбаясь, учительница химии взглянула на неё поверх очков.

– Спасибо, – ликуя в душе, внешне Ольга ничем не выдала своей радости, сильные эмоции оставим плебеям, учила мать.

Схватив исписанные листочки, пошла к двери, невозмутимая и спокойная. Для отличницы Горской пятерка на экзамене по химии – вещь привычная. Химию она любила, находила даже особую поэзию в названиях химических элементов, в их волшебных превращениях; запомнить сложнейшие формулы, не всегда укладывавшиеся в голове у рядового старшекласс-

ника, для Ольги – раз плюнуть! Любила, но прекрасно могла бы обойтись дальше без этой науки, как, впрочем, и без математических логарифмов, без атомов, молекул и, тем более, квантов, без всего того ненужного, что в изобилии даёт выпускникам школа. Но только не без литературы, ни дня без книг она не проживёт, даже и пытаться не стоит.

У дверей обрадованная Женька бросилась ей на шею. Верная подруга, отхватив свою четвёрку, она уже с полчаса мерила шагами коридор, ждала.

– Наконец-то! Ну, как? Пятёрка, да?

Оля кивнула. Да что с ней такое? Стоит, как деревянный истукан, а ведь это был последний экзамен. До неба надо прыгать! Всё! Двадцать дней экзаменов, три выброшенные из жизни недели позади!

– Анвар тоже пять отхватил! И привет тебе огромный передавал. Его отец сразу увёз, так что не ищи!

Женька залпом выдала эти ценные сведения, одновременно стреляя глазами в разные стороны в поисках симпатичных мальчиков, которые вполне могли оказаться сейчас в поле её зрения. Оно и понятно, рысь вышла на охоту. Одинокая девушка в поиске, вчера, сегодня, всегда. Здесь и сейчас.

Выйдя из школы, подруги уселись на нагретую солнцем лавочку в ближайшем скверике. Листья платана, закрывая подруг от лучей раскалённого светила, отбрасывали ажурную тень на их лица, дарили прохладу и покой. Ольге хотелось сидеть здесь вечно, невероятная усталость, как лавина с гор, навалилась внезапно, оглушила, лишила эмоций, ощущений, мыслей. Отчаянно жестикулируя, что-то говорила Женя. Мозг вяло фиксировал отдельные слова, «домой», «обряд», «немедленно».

– Ну, Оль, согласна? Лично я не могу больше ждать!

– Ты о чём вообще? – Ольга на минуту открыла глаза, чтобы тут же закрыть их снова.

– Горская, встряхнись, – Женя протянула ей бутылку с водой, с которой не расставалась никогда. – Вот, глотни, бедолага, и вперёд!

– Вперёд, это куда?

– Это туда! Будем отмечать освобождение от школы и радоваться жизни!

– погоди, о каких обрядах ты тут талдычила? Пугаешь меня, подруга.

Приподняв школьный фартук за уголки, Ольга помахала им вверх и вниз. Слабый поток воздуха охладил разгорячённое лицо. Она вдруг отчётливо осознала, что школы в её жизни больше не будет никогда. Никогда! Какое страшное слово! Учиться в школе много лет было главным занятием в жизни, а теперь этот глагол переходит в прошедшее время. Грустно...

– Ну, Оль, ты что, забыла? Обряд под названием «Снимаю школьную форму в последний раз!» Дальше можно импровизировать: выкинуть форму в окно или закинуть на шкаф, – она засмеялась, довольная своей задумкой.

Рядом прошли два парня, не школьники уже, постарше. Один из них, черноволосый, плотного телосложения, в спортивном синем костюме с белыми лампасами бросил на девчонок быстрый заинтересованный взгляд, остановился, шагнул к ним.

– Привет, красавицы! Вас интересуют молодые, привлекательные парни? – Он присел на лавочку рядом с ними, небрежно закинул ногу на ногу. Его друг, заметно удивлённый поведением товарища, застыл рядом.

– Не особенно интересуют. Слишком уж они наглые. – Ольга сердито взглянула на него. – И не задерживайтесь, молодой человек, проходите, вас ждут. – Ольга кивнула на стоящего рядом парня. – Идите уже, – повторила она, добавив металла в голосе.

– Засмотрелся на вас, и забыл, куда шёл, – парень явно не собирался сдаваться. – Кстати, меня Алексей зовут. Отличное имя, да? А это Женя, красавчик и очень хороший человек, – кивнул он на своего друга.

– Женя? Как и я, – удивлённо откликнулась молчавшая до сих пор подруга, которая уже пару минут не сводила глаз с симпатичного юноши, стоявшего рядом.

– Вот он, перст судьбы! – Алексей не замолкал ни на минуту. – Женька – клад, а не парень, точно говорю. Только уж слишком скромный.

– Вы простите нас, – вступил в разговор Женя, – мы обычно к девушкам не пристаём. Просто сегодня день такой особенный. Конец учёбе! Последний экзамен только что сдали.

– Мы тоже... последний. Ух, ещё одно совпадение. А вы где учитесь?

Несмотря на суровые Ольгины взгляды, которые та незаметно бросала на разговорившуюся Женю, девушка всюду улыбалась своему тёзке. Немудрено, от глаз чайного цвета, глаз-океанов, невозможно взгляд отвести, век бы в них смотреть.

– Авиационный техникум, он здесь, недалеко, – молодой человек махнул рукой в сторону учебного заведения, взглянул на Женю и тоже улыбнулся в ответ.

– Знаю! – радостно произнесла Женя. – Совсем недалеко от нашей сто десятой школы. Там у вас так зелено, цветы...

– Пока, мальчики! Дела... – Ольга схватила подругу за руку, потащила за собой.

На повороте дороги Женя оглянулась, парни смотрели вслед. Кажется, они были расстроены таким поспешным бегством девчонок.

– Олька, похоже, ты мне судьбу только что сломала, – расстроенная Женя искоса взглянула на неё. – Чёрт, зачем надо было так быстро исчезать?! Что за преступление – немного поболтать с симпатичными парнями?

– А обряд? А новая жизнь? Всё это черновик был, – Оля махнула туда, где осталась пустой их любимая лавочка, – а теперь мы начисто начнем нашу жизнь, с нуля. Согласна? – схватив за руку обиженную подругу, она потянула её за собой.

Быстрее, быстрее! И вот они уже почти бегут, юные и беспечные, устремлённые навстречу большой, настоящей жизни, навстречу новым встречам и новому, неизведанному ещё счастью.

Глава 3

Вот и всё. Отшумел выпускной бал с его весельем и слезами, с тайно распитым шампанским, с дискотеккой до полуночи и жгучими поцелуями Анвара в тёмном классе; маленький след от его губ до сих пор виден на её левой груди. Позади долгие сборы, покупка разных нужных и ненужных вещей, долгие переговоры с Инной, сестрой матери, живущей в Москве; теперь, на предстоящие пять лет там будет и Ольгин дом.

В самолёте она летит впервые, поэтому нервничает страшно, хотя белоснежный ТУ-154, на трапе которого девушку встретила симпатичная стюардесса, показался ей надёжным и безопасным. И очень-очень красивым. В минуты взлёта, напуганная гулом моторов, Ольга закрыла глаза, зажмурилась крепко, как спряталась. Когда открыла, в окно иллюминатора видны были только розовато-жёлтые облака-барашки, подсвеченные усталым вечерним солнцем. Родной город остался позади. Радоваться или плакать по этому поводу, девушка пока не поняла. Да и ладно, сидя в удобном кресле с карамелькой за щекой, она найдёт, о чём подумать.

Месяц без Анвара, ну как такое возможно? Да, её парень умница, он прилетит в Москву прямо перед экзаменами, не станет, как Ольга, маяться на подготовительных курсах, самостоятельно будет готовиться к поступлению в Бауманский. Скучать и скучать – это единственное, что ей, бедняге, остаётся.

Сидящий рядом сухонький дедушка в старомодной тенниске вдруг тяжело задышал, откинул голову на бок. Человеку плохо? Ольга испугалась, вскочила, крикнув на весь салон: «Помогите! Скорей!»

Стюардесса оказалась рядом буквально через секунду. Легонько похлопав пожилого мужчину по щекам, она нащупала пульс, нахмурилась, вертикальная морщинка прорезала её красивый лоб. В проходе, расталкивая столпившихся пассажиров, показался пилот, за ним, едва поспевая, спешила вторая стюардесса с пластиковым стаканчиком в руках.

– Сердце? – пилот вопросительно взглянул на бортпроводницу, потом на пассажира, пытаясь оценить ситуацию.

Та кивнула. Пара минут, и дед задышал ровнее, открыл глаза. И пережитый страх, и благодарность, и стыд за доставленные хлопоты были в этом взгляде. Он послушно выпил лекарство, смущённо откашлялся. Растерянность и робость пожилого пассажира как-то сразу нашли отклик в Ольгином сердце, вызвали сочувствие, такое естественное в этот момент. Она ободряюще сжала его руку, протянула стакан с водой, заставила сделать пару глотков. Со словами «приглядите за ним, милая девушка», пилот вернулся в кабину. Стюардесса тоже ушла, отправилась успокаивать взволнованных, вытягивавших шеи пассажиров, которые пытались выяснить, что случилось.

Полет продолжался. Всё также заглядывали в иллюминаторы цветные облака, иногда приоткрывая взглядам пассажиров далёкие квадратики полей и полоски лесных массивов, как будто нарисованных на гигантской географической карте, брошенной на землю сказочным великаном. Ольга честно пыталась читать захваченный в дорогу учебник литературы за девятый класс, но то и дело отвлекалась на эти фантастические виды, налюбоваться не могла. А ещё краем глаза она поглядывала на своего соседа, похоже, задремавшего после перенесённых передышек.

– А нам ещё долго лететь? – сквозь сон Ольга услышала чей-то негромкий голос, ого, оказывается, она тоже умудрилась заснуть.

– Прилетаем в двенадцать с минутами. Как вы себя чувствуете? – она повернулась к собеседнику, выглядевшему довольно бодро.

– Не дождутся! – дед весело улыбнулся, взглянул на девушку совсем молодыми глазами. – А как мою спасительницу звать-величать?

– Ольгой величать.

Начались долгие разговоры, умные и не очень, они с Георгием Васильевичем, так представился её собеседник, принялись обсуждать детали полёта, на какой высоте летит самолёт, с какой скоростью, возможно ли спастись, в случае отказа двигателей. Страшный вопрос, поднятый последним, Ольга не оценила и быстренько перевела разговор на более приятные темы.

Георгий Васильевич, как оказалось, известный геолог, преподаватель Московского горного института, возвращался из очередной экспедиции. Интересный собеседник, внимательный и остроумный, он в красках поведал ей о своих злоключениях на пути «с поля», места дислокации их группы, до аэропорта. Институтские начальники срочно вызвали его домой для приёма вступительных экзаменов, о чём Георгий Васильевич сообщил со свойственным ему едким сарказмом.

– Да! Эти бездари совершенно не видят разницы между наукой! – он поднял вверх указательный палец – и банальной бюрократией! Видите ли, сударыня, я должен, по их мнению, сидеть в приёмной комиссии! Яко свадебный генерал! А у меня счёт не на годы, на месяцы идёт! Каждая экспедиция может быть последней!

– Георгий Васильевич, а кто из близких у вас в Москве? Дети и внуки?

– Эх, голуба, никого у меня уже нет на всём белом свете. Жена вот умерла, квартиру на меня оставила. Мы с ней не жили вместе в последнее время, я всё больше в деревне, в Якушовке.

Между тем, полёт подходил к концу, самолёт начал снижаться, опять сжав чёрным страхом Ольгино сердце. Десять минут, и наконец-то шасси коснулись земли. Всевышний, если ты слышишь, спасибо тебе, что целы, что живы, спасибо! Счастливые пассажиры уже спускались по трапу, и, какое счастье, что под ногами земля, твёрдая и надёжная.

Ольга рассталась со своим соседом, дав ему обещание заглянуть как-нибудь в гости, на Старый Арбат, в его новое жилище. Записочку с адресом Георгий Васильевич насильно засунул ей в руку. И вот девушка уже стоит посреди зала, крутит головой, высматривая тетку, которая собиралась встретить её в аэропорту. Узнает ли? Последний раз Оля видела Инну Евгеньевну года четыре назад на юбилее матери. Тогда они почти не общались, но девушка хорошо помнит свои впечатления от встречи, от мимолётного общения с этой родственницей. Копия матери на сто процентов, высокомерная и равнодушная, занятая только собой красивая женщина.

– Ольга?

Она обернулась на голос, наконец-то! Её разглядывала модно одетая, эффектная, уверенная в себе женщина.

– Инна Евгеньевна, здравствуйте! Да, вот она, я! – Ольга улыбнулась; наверное, надо обняться, подумала она, но не сделала и шага навстречу.

– Поехали, пока нас тут не затолкали, – её красавица-тётка королевской поступью направилась к выходу. Подхватив чемодан и сетку, Ольга устремилась следом, стараясь держать в поле зрения её спину, обтянутую, несмотря на тёплый день, модной джинсой.

Мама дорогая, сколько здесь народа! Цветная толпа, шумная, многоликая, многоокая, настоящее человеческое море. Поток людей, как живой, двигался в разных направлениях, наглядно демонстрируя известное по школьным урокам явление броуновского движения. Одно за другим мелькали, проплывали мимо белые лица людей, не цепляя шедших навстречу, сосредоточенным и отрешённым, направленным только вперёд тревожным взглядом.

От аэропорта ехали долго. Сидя на заднем сиденье такси, Ольга не отрывала глаз от верениц красивых, монументальных зданий, зелёных сквериков и бульваров, строившихся новых кварталов. Она ахнула, увидев вдали мелькнувшую на повороте знаменитую Останкинскую башню. Сто двадцать этажей, с ума сойти! В своей короткой жизни Ольга уже успела побывать в столице, но в таком глубоком детстве, что память сохранила лишь обрывки воспомина-

ний, неясных и расплывчатых. Запомнила поход в цирк, где по арене ходили, хлопая ластами, настоящие живые моржи, а знаменитый клоун Карандаш в клетчатой кепке, казалось, только для неё забавно играл с солнечным зайчиком. Осталось в памяти и красивое здание ГУМа, где продавали пломбир в вафельных стаканчиках, изюма на дне которых было немерено. По словам отца, это самое вкусное мороженое в мире, а не верить отцу у Оли не было никаких оснований, ни тогда, ни сейчас.

Машина проехала мимо гостиницы «Украина», и Ольга чуть шею не свернула, разглядывая эту необыкновенную, известную всей стране сталинскую высотку. Пять минут, и такси остановилось у подъезда дома номер семь, дробь четыре. Приехали? Кутузовский проспект? Ольга выбралась из машины, разглядывая необычный фасад здания. Где-то здесь, в соседнем здании, жил режиссёр Михаил Калатозов, снявший великий фильм «Летят журавли». Впервые она посмотрела эту картину ещё подростком, переживала и плакала, худеньким кулачком размазывая по щекам слёзы. Как не заплакать, когда так быстро и яростно разрушила судьбы хороших людей страшная война.

– Ну что ж, племянница, заходи, – Инна Евгеньевна открыла своим ключом массивную дверь, обитую коричневой кожей.

Втащив потяжелевший чемодан, Ольга переступила порог своего нового жилища. Станет ли это чужое место её домом? Старинное потемневшее зеркало в просторной прихожей нечётко отразило Ольгино усталое лицо, её ладную фигурку в любимых джинсах Монтана и голубом батничке. Быстрым шагом подошла и приветливо улыбнулась пожилая женщина, помощница по дому, назвавшаяся Аннушкой.

– Оставь чемодан здесь, идем, – тётка повела свою гостью вглубь квартиры, большой и просторной, с высокими потолками, украшенными сложным декором. «Счастливики, – подумала девушка, разглядывая лепнину, – имеют такую роскошь в доме».

– Вот это будет твоя комната, – Инна Евгеньевна открыла ещё одну дверь, едва ли не впервые взглянула ей в лицо. – Нравится?

– Да.

Ольга обвела взглядом новое жилище. Малиновые обои с золотыми разводами, картины в массивных рамах. И ковры, ковры. Она прошлась по комнате, разглядывая высокий лепной потолок. Красиво. Но вот мебели могло бы быть и поменьше. Да и массивная она такая, как обойти, надумаешься! Хотя огромное, обтянутое лиловым шёлком кресло так и манит рухнуть туда, в его объятия. Шикарное кресло, она его уже полюбила. Вот шторы темноваты, да и окно одно-единственное. А как же «да здравствует свет?»

Тем не менее, она улыбнулась тётке, поблагодарила вполне искренне.

– Располагайся, приводи себя в порядок, и на кухню. Аннушка тебя покормит.

Улыбнувшись в ответ краешком губ и, видимо, сочтя выполненной свою миссию по встрече племянницы, тетка величественно удалилась.

* * *

Ольга проснулась ни свет ни заря, тихий шум поливальной машины за окном прервал её чуткий сон. Было раннее утро, часов пять, солнца ещё нет, но комната уже наполнена мягким белым светом. Долгожданный день готов был ворваться в её жизнь, и девушка ни минуты не сомневалась, что день этот будет прекрасен. А как иначе? Сегодня она сделает шаг, большой и серьёзный, навстречу своей мечте. Вот прямо сейчас начнёт собираться, чтоб всё успеть.

«Университет, ты ждёшь меня? Я еду». Ольга вскочила в радостном волнении, перебирая в голове варианты подходящей одежды. Остановилась на скромном белом платье в чёрный горох. Вопрос, что надеть, ох, как часто стал мучить в её последние два года. Да, несмотря на хороший вкус, муки выбора одежды были Ольге хорошо знакомы. Что ещё? Она достала из

сумки тюбик розовой помады, подумала, закинула обратно. А вот крошечную каплю любимых духов "Climat" за мочки ушей всё же нанесла, с удовольствием вдохнув сложный, дорогой аромат, навевающий атмосферу весеннего, наполненного цветами, сада.

Уже готовая к выходу, проверив ещё раз нужные документы, девушка заглянула на кухню. Здесь вовсю, стараясь не шуметь, колдовала над завтраком Аннушка, растирая в миске творог для запеканки и краем глаза приглядывая за закипающим молоком. В голубой косынке, полностью прикрывавшей волосы, в фартуке весёлой расцветки, она напомнила Ольге любимую Нюсю, их семейные завтраки, такие неспешные в выходные дни, и не в столовой, а в уютной белой кухне с тонкими летящими шторами на окнах. «Ого, я что, уже скучаю? Пусть бездельники скучают, а я сегодня занятая-я...»

Расправляясь с чаем и приготовленным Аннушкой наскоро бутербродом с вкуснейшей, в Ташкенте такой нет, докторской колбасой, девушка заодно получила от неё ценные указания, как добраться до МГУ. Метро, потом автобус и вот они, Ленинские горы. Ясненько, она не заблудится, пятиконечную звезду университетского шпиля видно отовсюду. Схватив сумку, Ольга направилась к выходу.

Опачки! Столкнувшись в дверях с высоким темноволосым мужчиной средних лет, в ладно сидящем на нём строгом коричневом костюме в мелкую полоску, она остановилась, заулыбалась. Дядя?! Ещё один и самый главный член семьи Максимовых? Неужели? Неужели она, наконец-то, познакомится с загадочным московским родственником, которого, так получилось, девушка никогда не видела.

– А это племянница моя, что ли? Красавица, ну красавица! – мужчина раскинул руки, обнимая её за плечи и обдавая восхитительно приятным запахом одеколona «Союз-Аполлон».

– Доброе утро, Николай Петрович!

Искренняя симпатия к дяде возникла сразу. А как иначе? Добродушный, открытый, приветливый, смотрит прямо ей в глаза. Такие не дадут шанса себя не полюбить.

– Приехала, значит? Вот это правильно! Где ещё учиться, если не в Москве?

– Да, иду документы подавать. Филфак, МГУ, одобряете?

– А тебе нужно моё одобрение? Правильная девочка! Люди, которые нас не одобряют, не достойны нашего внимания, – громко засмеялся он, откинув голову назад.

«Дядя-то философ и шутник, – подумала Ольга, – с таким мы точно подружимся».

– Подожди-ка, на метро, что ли поедешь?

Ольга кивнула.

– Отменяется! – весело приказал дядя. – Сейчас Яков зайдет, мой водитель, отвезёт тебя, пока я завтракаю.

«А вот это правильное решение!» – обрадовалась девушка. – Эх, с дядей мне повезло!»

Не прошло и десяти минут, как чёрная «Волга», абсолютный близнец папиной служебной машины, если бы не тканевые чехлы на сиденьях и отсутствие шторок, помчала её по широким московским улицам. С ветерком! Тёплый воздух, врывающийся в открытое окно, лохматил волосы, обдувал лицо. Хотелось закрыть глаза и думать о счастье, которое вот оно, рядом.

Водитель высадил свою пассажирку недалеко от центральной аллеи, длинной и прямой, ведущей к главному корпусу университета. Ольга, вдруг заробев перед этим величественным храмом науки, остановилась, собираясь с духом. Её обгоняли молодые парни и девушки, а также люди постарше, похоже, родители, пришедшие поддержать своих чад. Шагнула вперёд и будущая студентка Оля Горская, влилась в этот поток, шла медленно, разглядывая необычную высотку, величавую и гармоничную. Золотое сечение, да, так и есть! Она задрала голову, пытаясь сосчитать этажи здания. Тридцать пять? Нет, тридцать четыре? Потеряв равновесие, Ольга чуть не упала.

– Под ноги надо смотреть, подруга, – строгий девичий голос, раздавшийся сзади, заставил вздрогнуть.

Ольга оглянулась. Её догоняла худенькая рыжеволосая девчушка в очках, по виду похожая на старшеклассницу. Причем, на старшеклассницу, получающую на уроках исключительно пятёрки. Одежка невразумительная, серые полотняные штанишки, мужская футболка, просто какая-то одежда горняка! Ну как можно так вырядиться?! Серьёзной критике Ольгин внутренний голос подверг и причёску незнакомки. Бабушкин пучок на затылке крепко стягивал её волосы, отчего брови неестественно приподнимались, придавая лицу странное выражение. Как будто всё, что девушка видит, её бесконечно удивляет.

– Поступать будешь? – незнакомка, размахивая сумкой, пошла рядом, принаравливаясь к Ольгиному шагу.

– Да, на филфак.

– Ого, я тоже. Хотя сомневаюсь, что меня там ждут. Кстати, Дина, а ты?

Вечером, уже лёжа в постели, вспоминая эту встречу, Ольга вновь порадовалась появлению новой знакомой. Дерзкая, уверенная в себе, Дина, похоже, не знала, что такое волнение. Спокойно приблизившись к аудитории с табличкой «Приёмная комиссия», она сразу потянула на себя ручку двери. И Ольга, на секунду замешкавшись, тоже шагнула следом. Как в омут головой. Но всё оказалось просто, буднично и совсем не страшно. Она заполнила анкету, расписалась о принятых документах, взяла отпечатанное на машинке расписание занятий на подготовительных курсах – и всё, свободна! Ольга теперь на шаг ближе к будущей студенческой жизни. Дина ждала её в коридоре, не ушла, девчонка, оказывается, знала толк в дружбе.

Ольга перевернула подушку на прохладную сторону. Не спится, что неудивительно после длинного, заполненного под завязку разными событиями, дня.

Дина, оказавшаяся коренной москвичкой, потащила её в кино, в планах девушки был повторный просмотр французского фильма «Игрушка». Пьер Ришар в главной роли, это вам не шуточки. В буфете кинотеатра они съели по вкуснейшей котлетке за одиннадцать копеек, выпили по стакану лимонада, «Саяны», Ольгин любимый. Фильм оказался потрясающе хорош, трогательная история о богатеньком мальчике, купившем в магазине живую игрушку. И как Ольга умудрилась пропустить его в своё время, непонятно.

Совсем уже засыпая на тёткином бархатном диване, она вспомнила Анвара, мысленно пожелала ему спокойной ночи. Не к месту всплыли в памяти его жаркие, нахальные поцелуи. Как птичка, встрепелось сердце, и так приятно сжалось что-то внутри. Вот наваждение, и Сашка вдруг возник перед глазами. Тогда, двадцатого, в день её последнего экзамена, он всё-таки нарисовался у Ольгиного дома, затянул, несмотря на её сопротивление, в «Голубые купола». Посидели, как взрослые, шампанское, эклеры, вкусные, свежие...

Безмятежный сон смежил её веки. Впереди новый день, новые впечатления, новая московская жизнь.

Глава 4

Начались будни, однообразные и вязкие; как под копирку вылепленные, одинаковые дни проходили бесконечной вереницей. И утром, и днём, и вечером – нескончаемое перелистывание книг и тетрадей. Кто-то сказал бы, что за скучная вещь такая жизнь, изрезанная буднями, что за мутные дни! Кто-то, но только не Анвар. Он любил этот процесс под названием учёба, когда голова работает в усиленном режиме, когда радуется пришедшее вдруг понимание сложных тем, и одна за другой решаются задачи, отмеченные в учебнике тремя звёздочками.

Иногда молодой человек разрешал себе отдых, вспоминая Ольгу, её нежное, юное, податливое тело, мягкие губы, припухшие от его поцелуев. Последнее мимолётное свидание перед самым отъездом девушки в Москву Анвар не забудет никогда. Его руки будто сошли с ума, находя и бесстыдно лаская, несмотря на её слабое сопротивление, самые сокровенные места потрясающего Ольгиного тела. Он задыхался от новых для себя ощущений, хотел большего, неизведанного, запретного, сходил с ума от желания и любви. И теперь, спустя три недели, губы Анвара помнили шелковистую, манящую грудь его милой подруги.

Хлопнула дверь, кажется, вернулась мама. Рынок по утрам – обязательная часть её жизни, своего рода ритуал, к которому мама относится со всей ответственностью.

– Сын, завтракать!

Второй завтрак около одиннадцати – в их доме неукоснительно соблюдаемое правило. Три года, проведенные семьей в посольстве СССР в Чехословакии, отразились на их жизни, добавили в неё европейских привычек. Обычно рано утром Анвар пил чай из любимой пиалы, устраиваясь на кухне рядом с отцом перед его уходом на работу. Мансур Рашидович сейчас занимал должность проректора в Ташкентской высшей школе МВД, работу свою любил и с огромным удовольствием отправлялся туда каждый будний день.

Перекусив любимыми сырниками со сгущёнкой, схватив пару абрикосов, Анвар снова уткнулся в учебники. Русский язык – его слабое звено, нужно долбить и долбить эти ужасные правила; дефисы, прямая речь, странные шипящие – голова идёт кругом!

Звонок в дверь, ну вот, книги в сторону! Дайте ему угадать с трёх раз, кто там? Это Алинка, соседка из квартиры напротив. Скромняга-восьмиклассница, влюблённая в него нешуточно уже с полгода. Сталкиваясь с Анваром на лестнице, она замирает заворожённо, смотрит ему прямо в душу пронзительным взглядом тревожных синих глаз. А он, он, внутренне усмехаясь, дает девчонке вдоволь насмотреться на себя. Неразумное дитя, ей ещё в куклы играть, а не влюбляться в парней, чье сердце уже занято. На веки вечные, навсегда...

Вчера он столкнулся с Алиной в булочной, на выходе, в руках – только что купленный свежий патыр. Вместе пошли домой. По дороге девушка, отводя глаза, пожаловалась, что никак не справляется с математикой, а ей совсем скоро экзамены предстоят, поступает в техникум. Наивная дуручка, Анвар никогда не поверит, что её папа, заправляющий чем-то там в системе всего узбекского образования, допустит, чтобы Алина училась в жалком техникуме. Это неправильный шаг для дальнейшей жизни дочери. Да и размах не тот, при папашиних возможностях девчонку ждут лучшие вузы страны.

Темноволосая Алинкина голова просунулась в дверь.

– Привет! Ну, заходи, что ли...

Анвар отложил в сторону учебник математики Киселёва, уселся за стол. Соседка скромно пристроилась рядом, разложив тетрадки и книжки. С полчаса он растолковывал Алинке математические формулы, совсем несложные, на его взгляд. Чуть-чуть мозги напрячь, ухватить логику уравнения, всё, ответ готов! Молодой человек был удивлён, какое удовольствие ему доставил этот маленький урок для единственного ученика. Наверное, в его душе живет Преподаватель, любящий обучать, растолковывать новое, непонятное, добиваясь успеха в этом

непростом деле. Надо в памяти своей поставить галочку, просто так, на будущее, что уже есть на белом свете профессия, которая ему по сердцу.

Алина с пунцовыми от смущения щеками что-то записывала в тетрадке с пружинным переплётом, морщила лоб и кивала, слушая объяснения молодого человека, пока тот не сказал: «Ну, всё, на сегодня хватит!»

Девчонка вскочила, как испуганный зверёк, наспех собрав учебники и тетрадки, торопливо пошла к двери. Остановилась на секунду, прижав книжки к груди, чтобы сказать «спасибо» и «до свидания». Воспитанная, прилежная школьница, вот таких умниц обычно любят и ставят в пример другим их классные руководители.

После её ухода Анвар попытался читать, но учёба не шла на ум. С силой захлопнув книгу, молодой человек решил, что знаний много не бывает, и он обязательно покорпит над учебниками вечером. Так и быть, ещё разок, последний, разберётся с НЕ и НИ и с этими дурацкими безударными гласными. И всё! От науки ещё никто не умирал, но рисковать не стоит. Тем более, завтра последний день его беззаботной ташкентской жизни.

Прямо сейчас он пойдёт и навестит своего преподавателя математики. Когда ещё доведётся увидеться с Михаилом Семёновичем, может, сто лет пройдет. Да и болеет его любимый учитель, так и не восстановился до конца после землетрясения. Тогда, больше десяти лет назад, его переломанного, с серьёзными ранами, с трудом спасли, вытащили буквально с того света. Честь и хвала московским врачам, прилетевшим в разрушенный город на следующий же день. Анвар почти не помнил те страшные минуты, только неясные обрывки сохранились в памяти. Бегущие люди, разрушенные дома, серое от пыли небо. А может, это и не воспоминания вовсе, а возникшие в сознании по рассказам взрослых туманные образы тех далёких событий. Теперь уж и не разобрать...

Их дом чудом уцелел, но сколько зданий было уничтожено, смято волной землетрясения, не счесть. Неслыханная беда пришла в красавец-город, вмиг превратившийся в руины. Ташкент шестьдесят шестого года – это торчащие стены полуразрушенных зданий, словно руки, протянутые к небу в мольбе о помощи. Это сотни пострадавших жителей города, десятки тысяч семей, лишившихся крова. Обо всём этом Анвар узнал позднее; отголоски страшного события, уже ставшего мрачной страницей истории Узбекистана, ещё много лет давали о себе знать.

Грустный, он медленно возвращался домой, пробыв у старого учителя не более десяти минут. Тот рад был гостю, улыбался, за фрукты благодарил. Но чувствовал себя Михаил Семёнович неважно, сиделка дала Анвару понять, чтоб не расслабился долго.

Ища спасения от раскалённого солнца, жёлто-лимонным шаром висевшего над головой, юноша прибавил шагу. Пышущий жаром асфальт, испаряя пары битума, вызывал опасения, что следующий шаг будет последним, и нога навсегда, как в чернозёме, застрянет в чёрной смолянистой субстанции. Вдали показался канал, прохладное спасение, любимый уголок, теперь навсегда связанный с Ольгой. Три недели разлуки, маленькая вечность. Ждёт ли меня Ольга, не вскружили ли ей голову московские красавицы, номенклатурные университетские мальчишки? Ещё два дня, и он увидит лучшую девчонку на свете, свою девчонку. Не раздумывая больше, Анвар кинулся бегом к старому каналу, расстегивая на ходу рубашку, чтобы со всего размаху броситься в его тёплые, тихие воды.

* * *

Это было непросто! Сдать подряд четыре экзамена на «пять» совсем непросто. Но она справилась! Ольга вышла на улицу, на залитые солнцем ступени перед центральным входом в университет, медленно направилась к остановке автобуса. Напряжённые, наполненные волнением и нервотрёпкой дни дали о себе знать, у неё ни мыслей, ни эмоций, одно непонятное опустошение внутри. Да, в перечень мук, которые человек претерпевает за свою жизнь, надо

включить экзамены. Всё, быстреей домой, отдохнуть, осознать, наконец-то, что она осуществила свою мечту. Списки зачисленных студентов появятся позднее, но и так ясно, у Ольги высший проходной балл!

Такая же счастливая, с глупой улыбкой на лице, шла рядом изрядно вымотанная Динка. В её экзаменационную ведомость затесалась одна четвёрка по истории, но шансы тоже стать студенткой вполне реальны.

– Оль, отметим? Последний экзамен всё же, а? Да здравствует заслуженный перерыв от зубрежек и шпаргалок! – Дина забежала вперед, заглядывая ей в глаза.

– Мы сегодня с Анваром встречаемся, так что прости, подруга.

Они помолчали, каждый думал о своём.

– Дина, а у тебя парень есть? Не рассказываешь ничего...

– Ты хочешь услышать историю своего маленького недолгого счастья? – её лицо погрузнело, стало жёстким. – Да тут и рассказывать нечего.

Понятно, а вот Ольге было, что рассказать, но она не станет. Уже неделю, как Анвар в столице. Тот вечерний час, когда влюблённые встретились, был невозможно ярким. Звезды в небе казались такими близкими и светили только им одним. И золотисто-зелёное лето, одно на двоих... Или девушке всё пригрезилось, потому что очень ждала этой минуты, скучала без его объятий, без сильных и нежных рук, смыкающихся за её спиной.

Сегодня в семь она будет ждать Анвара у памятника Пушкину. Ольга пришла пораньше, чтобы без спешки разглядеть знаменитую скульптуру талантливого Опекушина. И была слегка разочарована его неухоженным видом. А сколько здесь народа! Не только они выбрали для встречи эту площадь, таких сообразительных десятки. Возбуждённые и нетерпеливые, прохаживались туда-сюда юноши, не знавшие, куда девать руки, которые держали букеты цветов. Время от времени к ним подбегали девушки с горящими глазами, красивые и не очень, и, зацепив заждавшихся кавалеров под руки, куда-то уводили. А под ногами вились бесстрашные московские голуби. Странные птицы: они могли бы летать в высоком синем небе, но предпочитают крутиться у человеческих ног.

А вот и Анвар, наконец-то! Ох, беда, как же он хорош. «Только грустный какой-то, мой самый красивый юноша на земле, – подумала она, взглядевшись в лицо приближающегося парня. – Грустный? Да на нём лица нет! О, небо, убереги меня от плохих новостей!»

– Как не сдал? Чёрт, не может такого быть? Это ошибка какая-то!

Она уже понимала, что никакой ошибки нет, но всё внутри сопротивлялось этой новости, отвергало её напрочь. Зачем он произнёс эти непоправимые слова? Так же нельзя, чтобы она осталась тут одна, без Анвара, нельзя никак.

А вокруг по-прежнему смеялись люди, обнявшись, проходили мимо счастливые парочки, девушка в цветастом летнем платье прижимала к груди цветы, влюблённо глядя в глаза своему веснушчатому кавалеру. Всё было так же и совсем по-другому.

– Человеку свойственно ошибаться. Особенно на диктанте по русскому, – Анвар невесело усмехнулся.

– Вы видели? Он ещё и шутит! И что теперь делать?

Пожав плечами, Анвар задумался, действительно, что? Возвращаться домой? Это последнее, что он сделает. Поступать в другой вуз, изменить мечте? Только не это. Анвар будет учиться в Бауманском. Точка. Только так, чего бы ему это ни стоило. Всё давно решено, и решение изменениям не подлежит.

Взглянув на расстроенную девушку, он отвёл непослушную прядь с её лица, чмокнул в висок, в пульсирующую голубую жилку.

– Эй, у нас кто-то немного расстроен? Вот это зря! – Впервые открыто, без оглядки, молодой человек обнял Ольгу за плечи, на минуту прижал к себе. – Идём, будем соображать, что нам делать.

«Какое замечательное слово «нам», короткое, а такое важное», – девушка удивилась своему маленькому открытию. Улыбнулась. Печаль уходила куда-то на задний план, растворялась в потоке жизни, кипевшей вокруг. Их обгоняли то серьёзные, спешащие по срочным делам мужчины с кожаными портфелями, то группка девчонок, под руку друг с другом, в невероятно коротких летних платьях. У киоска Союзпечати толпилась пёстрая очередь, люди отходили от окошечка, сжимая в руках «Правду», «Вечернюю Москву» или мгновенно расхватываемые номера «Моделей сезона».

По широкому проспекту, обгоняя друг друга, двигалась плотная вереница машин, разноцветных «Москвичей» и начальственных «Волг», промчалась даже сверкающая чёрным лаком «Чайка». Завлекали своим товаром высокие витрины магазинов, куда, как в зеркало, Ольга иногда поглядывала, чтоб полюбоваться их симпатичной, да, чего скромничать, парочкой. И сжималось сердце от радости...

Недалеко от кинотеатра «Россия» они остановились у аппаратов с газированной водой, долго искали монетки в три копейки, потом, устроившись в тени молодого тополя, пили вкуснейшую газировку с апельсиновым сиропом. Был поднят тост за её последний, такой успешный экзамен.

– И за решение твоих вопросов, – добавила Ольга, – скорейшее их решение.

– Что ж, буду искать работу, – сказал Анвар, – прямо завтра и начну.

Ольга кивнула. Уверенность в его голосе девушке понравилась. Будет искать и найдет, он такой, её парень!

* * *

Любовь... От этого слова, он бежал, как от огня. Неудавшаяся семейная жизнь родителей тому виной, их вечные скандалы по вечерам, когда он засыпал под сердитые упрёки матери и звенящий от ярости голос отца? Может быть. Или бурный любовный роман старшей сестры, которую бросил возлюбленный за пару дней до свадьбы? Этот жирный боров, её любовь, её странный выбор, Сашке никогда не нравился. Обманутая, потухшая Алька, преданная близким ей человеком... С тех пор он больше никогда не видел радости в Алькиных зелёных глазах.

Теперь уж не понять, что заставило двадцатилетнего Сашку возненавидеть эту сторону человеческих отношений. У него были девушки, которые к утру забывались; исчезали, не задерживались в памяти их голоса, глаза, руки. Но в тот день, на свадьбе троюродного брата, всё переменялось. Он увидел Ольгу, случайно зацепил взглядом её живое лицо. Взглянул снова и снова и уже не мог отвести глаз. Сам не свой, на непослушных ногах подошёл к ней, пригласил на танец, пытался шутить... И ночью уснуть не мог, крутился, вздыхал, подушку переворачивал. Ему несвойственно любить, так неужели вот оно, исключение из правил?

Еле дождавшись утра, чуть свет, Сашка позвонил родственникам, узнал адрес Горских. Цветы в руках, уверенный вид, и вот он уже снова увидел эти глаза, которые теперь попробуй, забудь... И так отчаянно, двести ударов в минуту, билось тогда его суровое сердце!

А эта встреча в день Ольгиного последнего экзамена? Желанная, но невыносимо короткая, настолько, что душа в клочья! Сашка позвонил ей накануне, назначил встречу. В шесть часов, прямо у ворот Ольгиного дома. Крикнул «обязательно» и положил трубку. В назначенный день пришёл заранее, с полчаса маялся у её дома, ждал, нервничал, приглаживал лохматую чёлку. И вот вышла она, скромная, милая школьница и одновременно пленительная молодая женщина. Увидела Сашку, нахмурилась. «Когда-нибудь её сердце будет вздрагивать при виде меня, – подумал он, – когда-нибудь, но не сейчас».

– Привет! – глубоко вздохнув, парень сделал шаг навстречу Ольге. – Поздравлять с пятёркой?

– Да, – она удовлетворённо улыбнулась, – другие баллы – не мой вариант.

– Прогуляемся? – молодой человек добавил лёгкой небрежности в голосе, пусть думает, что он не так уж и жаждет этой прогулки.

– Это вопрос, – Ольга лукаво взглянула на него, – или уже констатация факта?

– Констатация, раз мы уже куда-то идём.

Оба засмеялись, без причины, просто так. Потому что молоды, потому что впереди сто-процентно хороший вечер, а рядом такой симпатичный друг.

Вечер и вправду был прекрасен. Белёсое солнце, отправлявшееся на покой, старательно вырисовывало тени на асфальте и уже не утомляло взор ярким, ослепительным светом. Вместе с раскалённым светилом уходил дневной зной, а тёплый ветерок, остужая воздух, добавлял еле уловимую нотку свежести. Они шли по улице мимо закрывавшихся магазинов, откуда с авоськами в руках выскакивали припозднившиеся покупатели, мимо высотной гостиницы, окруженной комфортабельными автобусами, зашли в сквер, зелёный и достаточно тенистый. Осмелев, Сашка взял девушку под руку, она не сопротивлялась. Заупрячилась лишь на подходе к кафе «Голубые купола», где молодой человек заранее заказал столик на двоих.

– Как? Не отметить бокалом шампанского окончание школы? Олечка, опомнись! Потом ты себе этого не простишь!

Сашка, призвав на помощь всё своё красноречие, ещё что-то говорил, не мог остановиться.

– Ладно, идём! Нравнодушна я к этому заведению.

Потом он будет долго вспоминать эти минуты, проведённые в изысканных интерьерах знаменитого ресторана. Выстрел, пена, и холодное шампанское уже вскружило голову. Ольга напротив, рядом, только руку протяни. Можно погладить её руки с тоненьким серебряным колечком или золотистые плечи, покрытые лёгким загаром. И с видом собственника поправить выбившуюся белую лямку лифчика, невзначай коснувшись груди... Сашка мечтал, чтобы так было всегда, она и он вместе, вдвоём... Жаль, что этого нет, жаль.

Шампанского, официант, шампанского! Ко всем бесчисленным достоинствам этого волшебного напитка можно смело добавить ещё один дар – утешать...

После Ольгиного отъезда молодой человек места себе не находил, ни с того, ни с сего поругался с матерью по какому-то ничтожному поводу, срывался на сестру, и без того несчастную, всё ещё лелевавшую свою горе. Хлопнув дверью, выскочил из дома на улицу. Так нельзя, надо что-то делать, а то свихнется ненароком. Ехать за ней? А что, это мысль! Что его держит здесь? Да многое, честно говоря. Хотя с работой в автомастерской он расстанется с превеликим удовольствием. Надо учиться, мать всю плешь проела. Да, выбрать московский вуз, поступить на заочный, а что? Не боги горшки обжигают, поступит, постарается. И работу найдёт, у него руки из правильного места растут. Да и родственники московские помогут, не бросят. Всё, решено, обратного хода нет.

Повеселев, Сашка отправился в сторону центра, а, впрочем, неважно, куда, чтобы ещё раз спокойно обдумать самый первый в жизни ответственный и серьёзный шаг.

* * *

Сегодня Анвар целый день потратил на поиски съёмной комнаты, вооружившись адресами из расклеенных прямо возле института объявлений. Первый предложенный вариант поверг его в шок. Коммунальная квартира с необустроенными комнатами-клетушками, в одну из которых его провела весёлая разбитная тетка, находилась в сумасшедшем отдалении от центра столицы. Забыв попрощаться, парень выскочил из обшарпанной комнаты в узкий захламлённый коридор, едва не сбив с ног идущую навстречу девочку с пузатым чайником. Вон отсюда! И быстрее, быстрее! Привыкший к просторному родительскому дому с распахнутыми настежь окнами, он представить не мог, что в такой скученности могут жить люди.

Вечером ему, кажется, повезло, удалось снять у интеллигентной старушки крохотную, но чистую комнату в районе Измайлова за двадцать рублей в месяц. Анвар вздохнул с облегчением, ведь завтра последний день его проживания в общежитии. Ему приказали освободить своё место для настоящих студентов. А он никто, так, неудачник, заваливший самый первый экзамен.

Дни шли за днями, Анвар методично, одно за другим, обходил предприятия и многочисленные конторы, снова и снова открывал двери отделов кадров, но, увы, работы не было. Верней, она нашлась бы для москвича, в крайнем случае, для жителя Подмосковья; оказывается, штамп с московской пропиской легко обеспечивал трудовую занятость безработного человека. Гости столицы такой привилегии не имели. Ольга иногда отправлялась с ним, молча стояла рядом, пока он вёл разговоры по поводу работы, потом старательно веселилась, делая вид, что ничего серьёзного не происходит. Подумаешь, не берут на работу! Ещё неизвестно, кому повезло.

Они остановились у проходной фабрики «Красный Октябрь».

– А знаешь, – Ольга задумчиво посмотрела на старые кирпичные стены завода, – наверное, надо сначала искать возможность прописаться? Тогда тебя с руками оторвут!

– Оль, ну и как ты себе это представляешь? – Анвар мрачно взглянул на неё.

– Что-то мне подсказывает, что деньги решают всё.

Утро следующего дня было великолепным. Июльское солнце, бившее в окна, не жалело красок, золотило бежевые шторы в столовой, играло весёлыми бликами на изысканном чайном сервизе, купленном Инной по случаю в комиссионном магазине. Ольга сидела напротив дяди, наслаждаясь отменным завтраком. Аннушка, крутившаяся рядом, сегодня превзошла саму себя, приготовив вкуснейшие, тающие во рту блинчики с мясом. «Объедение! И когда она только всё успевает», – думала Ольга, протягивая руку к внушительной горке блинных конвертиков, лежавших на тарелке.

На завтрак хозяевам и их госте были также предложены деликатесы, явно попавшие на стол прямым из елисеевского гастронома: икра, ветчина, финский сервелат, сыр двух сортов, ну, и по мелочам, яйца, фрукты, разная сдоба.

– А москвичи ни в чём себе не отказывают, да, дядя? – расправляясь с очередным блинчиком, Ольга кивнула головой на стол.

– Глупая, хорошая еда к хорошему дню, – смеется дядя, – или ты не веришь в приметы?

– Верю. Отличное утро – к отличному дню. Разрешим сегодняшнему дню быть отличным, – отодвинув тарелку, она откинулась на стул. – Нет, так объедаться нельзя.

– Ну, ты и завернула, философ доморощенный, – насмешливо произнес дядя. – Всё, я пошёл, – взяв протянутый Аннушкой пиджак, он направился в прихожую.

Весельчак и оптимист; Ольга уже успела полюбить его, своего жизнерадостного дядю. Когда за Николаем Петровичем закрылась дверь, девушка повернулась к Аннушке.

– Тут такое дело... Выручайте, Анна Ивановна, – она замолчала, подбирая слова.

– Да что такое, Оленька, не пугай, старую!

– Парень мой работу ищет. И не берут, – она расстроено вздохнула. – Прописка нужна. Аннушка, может, поспрашиваешь, кто прописать может? За деньги, конечно.

Женщина задумалась, не спеша собирая посуду со стола.

– Знаю я одного, поспрошаю. Думаю, получится помочь твоему пареньку, – вытирая тарелки, наконец, проговорила Аннушка.

– Правда?! Ура! Вы чудо! – обняв Анну Ивановну за плечи, она звонко чмокнула её в щеку. – Всё, я исчезла.

«Хорошая девчушка, дай ей бог». Перекрестив спину убегающей девушки, она вновь вернулась к своим делам.

Глава 5

Ольга одевалась неторопливо, привычка лениться по воскресеньям осталась у неё с детства. Никуда не спешить – большая привилегия этого дня, которой нередко она пользовалась, чтоб полнее прочувствовать наступивший выходной. Впереди много праздных часов, которые она проведёт вместе с Анваром. С её Анваром. Девушка улыбнулась, это лучшее, о чём она может подумать с утра. Расчёсывая волосы перед зеркалом, собирая их в конский хвост, она напевала «Странников в ночи», красивая и нежная песня у неё в фаворитах уже много лет. Любить Фрэнка Синатру Ольгу научил отец, страстный поклонник певца, его бархатного, медового голоса и особенной, романтической манеры исполнения песен.

Белые брючки, футболка с широкими синими и белыми полосками, а она ничего! Схватив сумку, крикнув Аннушке, что уходит, она выскочила за дверь. И чуть не столкнулась с поднимающимся по лестнице парнем. С ума сойти, Сашка?! Или у неё что-то с глазами?

– Господи, ты тут откуда?

Ольга и удивилась, и обрадовалась, неожиданно для самой себя обняла его с непонятной, неправильной, ненужной нежностью и тут же смутилась. Идиотка, она слишком сильно прижалась к нему грудью, парень подумает невесть что.

– Привет, красотка! Еле разыскал тебя! – Сашка говорил нарочито небрежно, спокойно, но сердце колотилась, не унять.

– Ты в Москве, что ли, теперь? Ну, дела... Давай, рассказывай, не томи.

– Да, вот так! Не только Оля Горская будет учиться в Москве, но и Александр Веселов тоже. Скоро начнёт постигать науку в автомеханическом техникуме. В институт опоздал, прособирался...

– Чудеса! – Ольга ещё не могла отойти от шока, вызванного его появлением. – Дуралей, а что ж раньше не приехал?

– Были другие планы, – помедлив, проговорил он. – Оля, ты как тут? Слышал, что поступила.

Они вышли на улицу, залитую солнцем. Во дворе одинокий пацан, не вывезенный в пионерский лагерь, лениво пинал выдавший виды мяч, одна за другой с деловым видом пробежали две полосатые кошки. Сашка достал «Родопи», закурил.

– У меня всё под контролем. И Москва такая классная. Проводишь до метро? – Ольга взглянула на маленькие часики, ого, она непростительно опаздывает.

Анвар ждёт её у входа на ВДНХ, сегодня они намеревались провести на знаменитой, известной всей стране выставке целый день.

Они шли, переговариваясь и улыбаясь друг другу, Сашка шутил, выискивая в памяти самые лучшие остроуты, а она смеялась, закидывая голову, обнажая нежную шею, на которую он смотрел и не мог насмотреться. Красавица, милая девочка... Господи, во что я вляпался?

«В любовь, дорогой мой, в любовь», – язвительно отвечал ему внутренний голос.

Небо потемнело внезапно, тяжёлая сизая туча, невесть откуда взявшаяся, закрыла солнце. И вот уже первые, ещё робкие дождинки, брызнули Ольге в лицо.

– Сейчас ливанёт! – Молодой человек схватил её за руку, втянул в подъезд ближайшего дома.

И правда, за доли минуты дождь набрал обороты, перерос в ливень, стремительный, яростный, шумный. Они стояли у окна на площадке второго этажа, смотрели на мутную стену дождя, на еле видимых в его вуали одиноких прохожих, быстрыми шагами огибающих лужи. Есть что-то завораживающее в дожде, некая магическая первобытная сила, притягивающая взгляд. Сашка прижался плечом к её плечу, скосил глаз на девушку, поднял руку, чтоб обнять, не посмел, заробел... Сжал руку в кулак, аж ногти впились в ладонь.

Ольга не отодвинулась, но замерла. Потом сказала, не поворачиваясь:

– Саш, мы друзья, и только! Понял?

Как не понять? Парень кивнул, друзья. Но она что, слепая? Не видит, как мы подходим друг к другу?

А вслух сказал:

– По какой-то причине люди, которых мы любим, забывают любить нас в ответ.

Ольга опустила голову, ничего не сказав в ответ. Они стояли молча рядом, каждый сам по себе, и всё-таки немного вместе. Девушка первая нарушила это молчание, говорящее больше, чем слова.

– Жаль, что Ташкент не научил нас ходить с зонтиками. Хотя... дождь заканчивается, – она сделала шаг к ступенькам лестницы. – Пока, друг Сашка! Не провожай!

Легко сбегала вниз, и только звук захлопнувшей двери сумрачным эхом отозвался в пустом подъезде. И в его грустном, любящем, страдающем сердце.

* * *

– Анвар, да ты светишься весь! Дай угадаю, нашёл работу?

Он кивнул, вздохнул счастливо.

– И уже завтра мой первый рабочий день! Трудиться буду на стройке века. Гостиница, олимпийский объект.

– На стройке?! Ты умеешь строить? – сомнение явственно слышалось в Ольгином голосе.

– Научусь! Ещё и нам дом построю. Пошли уже, потом поговорим, билеты у меня в кармане.

Под арку главного, в пять пролётов величественного входа, увенчанного скульптурой тракториста и колхозницы со снопом в руках, вместе с другими жаждавшими увидеть диковинный объект, они прошли на территорию выставки. В полном восторге от увиденного, «да тут целый город, фантастика», Ольга крутила головой, рассматривая павильоны, цветники вдоль центральной аллеи, необычные светильники в виде колосков. Иногда останавливалась, с восхищенным взором поворачивалась к Анвару, призывая разделить её восторг. Молодой человек снисходительно улыбался, он уже был здесь с родителями года три назад.

Они остановились у фонтана Дружбы Народов, пройти мимо которого не было никакой возможности. Долго рассматривали, шурясь, ослепительные золотые статуи, выискивая среди них узбекскую девушку, нашли и очень порадовались этому факту. Анвар снял с плеча любимый ФЭД, сделал пару снимков улыбающейся Ольги в завесе водяных брызг; наверное, это будет его любимая фотография.

Как и полагается хорошему воскресенью, день выдался замечательный, как на заказ, солнце светило всюду, но не обжигало, а только ласкало уже успевшие загореть плечи и руки. Выйдя из павильона «Космос», молодые люди нашли место на лавочке у водоема, где вокруг монументального шестнадцатиметрового «Золотого колоса» катались на лодках счастливые отдыхающие.

– Сиди здесь, я за мороженым, – Анвар увидел невдалеке металлическую тележку, за которой женщина в белом фартуке ловко торговала пломбиром и эскимо.

– Мне крем-брюле, – крикнула вслед ему Ольга.

Минут через десять – очередь за мороженым образовалась приличная – вернулся Анвар с двумя вафельными стаканчиками в руках.

– Твое крем-брюле. А я вечный поклонник сливочного за девятнадцать копеек. – Он развернул стаканчик с мороженым, украшенным сверху бледной розочкой, куснул с краю. – У-у, вкуснотища!

– Спасибо, добытчик! – она чмокнула его в щеку. – Ладно, давай рассказывай, что у тебя там за особенный олимпийский объект?

– Гостиница «Измайлово», несколько корпусов. Это будет главная гостиница предстоящей Олимпиады, понимаешь? – он с надеждой взглянул на Ольгу. – Отделочные работы идут полным ходом. Но без меня никак. Без штукатурка-маляра Анвара Каримова.

– Родители тебя не поймут, – отправляя в рот остатки мороженого, произнесла Ольга. – Ты им так ничего и не сказал?

– Нет. Они в полном неведении, что их растяпа-сын не поступил в институт.

– Да ладно тебе! – Ольга легонько сжала его руку. – Твои институты ещё впереди. Главное, в это верить!

Взявшись за руки, они отправились дальше, сквозь толпу праздных людей, восхищаясь красотой и размахом увиденного, стараясь не пропустить ничего важного, удивительного. Иногда Анвар обнимал её за плечи, и крепко, и нежно, а глупое Ольгино сердце замирало, чтобы забиться с новой силой. Девушка, случайно касаясь плечом его руки, ждала новых прикосновений, новых объятий. Ещё и ещё! Боже, прошу, пусть этот человек всегда будет рядом.

– Анвар, а у меня тоже новости есть, – Ольга сделала паузу, посмотрела, достаточно ли он заинтригован.

– Надеюсь, хорошие?

– Очень! Я снова буду танцевать! Ла-ла-ла! – она крутнулась на носке, плавно взмахнула рукой.

– Так! Требую подробностей!

– Подробностей пока немного. Увидела в универе объявление о наборе в танцевальный кружок, зашла, записалась. За занятия только после картошки попаду, ещё столько ждать... – Погрустнев, Ольга взглянула на молодого человека, неужели они скоро расстанутся на целый месяц?!

«Невозможно», – подумала она.

«Невозможно», – подумал он, угадав её мысли.

– Кстати, о картошке? Когда едете?

– Через три дня, – Ольга виновато взглянула на парня. – Перенесёшь отсутствие моего присутствия? – она пыталась шутить, но на сердце кошки скребли.

Анвар не ответил. И так ясно, что при расставании он лишится частички собственного сердца. Наверное, навсегда. Но сегодня ничто не заставит его испортить своими невесёлыми мыслями этот летний день.

– Оленёнок, не грустить! Давай лучше сфотографируемся вместе.

Это важное дело было поручено проходящему мимо парню в клетчатой рубашке. Тот подошёл к заданию ответственно, долго искал нужный ракурс, то отходил, то приближался к ним. Анвар, стоя в обнимку с Ольгой, не выдержал, крикнул:

– Щёлкай уже! Останови мгновенье!

– Есть! – довольный собственной работой, парень протянул фотоаппарат Анвару.

«Есть! Хоть на фото, но мы вместе. Пока так, а там посмотрим!»

Занятый своими мыслями, он пропустил начало Ольгиного рассказа о Женьке.

– Теперь моя подруга сменила статус с одинокой на занятую девушку, – продолжала она. – Я этого парня знаю, в день окончания школы случайно познакомились. Тоже Женька, прикинь? Можно сказать, на дороге нашли этого Женьку. И видишь, разыскал её. Чудеса!

Они снова прошли под сводами арки и, полюбовавшись мощью и размахом стелы «Покорителям космоса», направились к метро. Прекрасный день медленно угасал, лишая чёткости очертаний московские многоэтажки, оставляя золотые мазки на вечерних облаках. Будет ли так же хорош и ярок день следующий? Как знать, как знать...

* * *

Какое счастье, что ей удалось заболеть?! Ольга возвращалась в Москву, продержавшись на картошке десять дней. Подхватила простуду на холодном ветру, хозяйничавшем на картофельном поле, и её отправили домой. «Толку от тебя немного, езжай, лечись!» – вынес свой вердикт куратор, и девушка чуть на шею Евгению Михайловичу не бросилась от радости.

Бежать отсюда быстрее и никогда не возвращаться! Что за жуткое место, это Сивково! А ещё совхоз Ильича! Деревня в Можайском районе, куда первокурсников отправили помогать колхозникам с уборкой урожая, оказалась совсем непохожей на солнечные узбекские кишлаки. Сивково встретило молодёжь неприветливо. Всё время моросил дождь; в доме культуры, куда их поселили, было холодно, неуютно, кровати скрипели, как несмазанные телеги. В первый день, стоя на улице около хлипкого дощатого сооружения под названием уборная, Ольга не сразу решилась туда зайти. «То ли я слишком избалованная девушка, то ли мир сошёл с ума», – думала она, качая головой, разглядывая эту кособокую деревянную постройку.

Ольге не нравилось здесь всё: ранние подъемы по утрам, вечная картошка в меню, хмурые девчачьи лица. Она так и не сумела ни с кем подружиться. Дины с ней не было, по какой-то редкой болезни девушка осталась дома. Единственный Олин друг – соседский конь по кличке Гнедой. Молчаливый, умный. Косясь блестящим глазом, он бархатными губами брал из рук девушки сахар, а она гладила его гриву и думала, что самые лучшие люди – это лошади, она где-то читала об этом. Да, так и есть.

Между тем, автобус уже подъезжал к городу, медленно, то и дело останавливаясь на светофорах, двигался вдоль стоящих плотной стеной домов, красивых и не очень, отделённых от дороги рядами желтеющих деревьев. Ольга разглядывала спешивших по своим делам прохожих, которые двигались по тротуару бесконечной серой лентой. Люди, дома, люди, квартал за кварталом...

Неожиданно выглянуло солнце, и вмиг исчезло хмурое небо, обрадовав тем самым уставший от дождей большой город. Мир из серого сразу стал цветным. О-ля-ля! У Ольги потеплело на сердце и, кажется, перестала болеть голова. Захотелось жить и радоваться всему на свете. Сейчас она забросит вещи в общежитие и ещё успеет на танцы, да, кружок начинает работать в три часа. А вечером устроит Анвару сюрприз своим неожиданным появлением. Ольга развесилась, план определённо хорош, и она приложит максимум усилий для его осуществления.

В бесконечных и непривычно пустынных университетских коридорах было тихо. И только Ольгины шаги чёткие, как щелчки метронома, нарушали эту гулкую тишину. Торопливые шаги навстречу её мечте.

Девушка медленно приоткрыла дверь в актовый зал, где должна была заниматься танцевальная секция. Кажется, это здесь. Вошла и замерла, поражённая. В центре зала танцевал парень в чёрном трико. Это был вихрь, смерч, стихийное бедствие, это был танец острый и опасный, как взрыв огромной петарды. Ольга не отводила глаз от ломаных линий его тела, каждый раз разных, но всегда фантастических. В них читались то покой и бессилие, то тревога и нечеловеческое безумство. Красота, грация движений, отточенность акробатических элементов – в невиданном девушкой доселе танце совпало всё, заставляя смотреть, не отрываясь, на это чудо.

– Заходи, – махнул ей рукой Виктор Донников, руководитель кружка, юноша спокойный, флегматичный, с гривой густых каштановых волос на гордо посаженной голове.

Ольга подошла, щеки её горели, гадкие предательские щёки!

– Правда, он непозволительно хорош?

– Кто? Этот парень? – она кивнула на танцора, без сил опустившего на пол прямо посреди зала.

- Танец, глупая! – Донников засмеялся. – Умеешь так танцевать?
- Нет, – Ольга затрясла головой. – Я бальными танцами занималась. А он гений?
- Гений? Наш Саймон? Есть немного.

В просторном зале с высокими потолками находилось ещё несколько человек, молодые парни и девчонки. Одетые в обтягивающие трико и клетчатые рубашки, завязанные узлом спереди, они без стеснения демонстрировали загорелые плоские животы. «Смело, очень смело, – подумала Ольга, – в Ташкенте я б отхватила по полной за такой видок!»

– Ольга, да? – Донников прервал её мысли. – Мы сегодня латышскую «Вару-вару» репетировать будем. Знаешь такой танец?

- Не слышала даже, – она опустила голову.
- Ну, дела? Ты только «Сударушку» танцевала, что ли?

Увидев, что девушка расстроилась, Виктор похлопал её по плечу.

– Ладно, танец лёгкий, быстро выучишь. Не боги горшки обжигают. Становись сзади, следи за движениями и повторяй.

Занятие началось, Ольга едва успела переодеться в уголке. Музыка, какая-то чужая, непонятная, била по ушам. Она повторяла движения стоящего впереди Виктора, нервничала, не успевала. На неё оглядывались, улыбались.

Через час девушка поняла, что она бестолковый, неумелый танцор! С чего это она взяла, что вообще умеет танцевать? Одеваясь, Ольга увидела приближавшегося к ней молодого человека, чей танец сегодня заставил её ахнуть. Девушка уже знала, что зовут его Семён, по-здешнему, Саймон.

– Как зовут нашу новенькую, которая очень неплохо танцует? – Саймон взглянул на неё своими необыкновенными глазами, большими и красивыми, в таких обязательно должно жить счастье.

– Сегодня всё из рук вон плохо у меня, – вздохнула печально. – Я Ольга.

– Эмоции были настоящие. А это главное в танце. – Саймон взял её сумку, и они вместе отправились к выходу. Вот так, уже почти друзья, а ещё говорят, что дружба – это медленно растущее дерево.

В зале ещё звучала музыка, яркая, яростная, незнакомая, которую хотелось слушать, не отрываясь.

– Какую необычную музыку вы тут слушаете. Что это?

– Виктор балуется, – он прислушался, покачал головой. – Лучше тебе не знать, что это за музыка? Она вне границ дозволенного нам, – сказал, усмехнувшись, как будто спущенную «сверху» бумагу процитировал.

Новый знакомый проводил девушку до метро, раскланялся и исчез, растворился в толпе. А ей тоже надо спешить, у неё впереди ещё одно замечательное дело, долгожданная встреча с Анваром. Вот оно, счастье! Предчувствуя, как удивится юноша её появлению, как обнимет радостно и жарко, Ольга торопливо нырнула в подземку.

* * *

Ранним утром во дворе пустынно и тихо. Только сосед, напевая что-то под нос, брел с гаечными ключами под капотом бежевой «копейки», да гордая полосатая кошка неспешно прошла мимо. Анвар зажмурился, золотое солнце ослепило глаза. Хорошо! Нет другого времени для счастья, кроме как «сейчас».

Анвар шёл на работу, нужную и важную, уже дней десять он делает это с удовольствием каждое утро. Стройка была грандиозной, как и всё, что возводилось в Москве к Олимпиаде. Во всём чувствовался невиданный размах, и молодой человек был горд тем, что причастен к этому масштабному строительству. В тридцатиэтажной «Альфе», одном из трёх корпусов гостиницы,

полным ходом шли отделочные работы, и разнорабочий Анвар, его неленивые руки, здесь были очень кстати. Он шёл вдоль живописной речки с красивым названием Серебрянка, отсюда взмывшие вверх гостиничные корпуса, как на ладони. Видно и Колесо обозрения в Измайловском парке, куда он обязательно отведёт Олю. Вместе они полюбуются красавицей-столицей с высоты птичьего полёта.

Олечка, как она там? В сегодняшних планах Анвара получить, наконец-то, аванс и купить Ольге колечко. Тоненькое и изящное. Свои первые заработанные деньги парень должен правильно потратить. Да, он подарит ей на память серебряное кольцо с голубым камнем, его Оленька любит голубой цвет.

После работы он забежал на квартиру, чтобы умыться и переодеться. Сейчас он чуть-чуть полежит на диване, чтобы дать отдых натруженным мышцам. Всего минутку или две...

«Какое счастье, что дверь в квартиру не заперта, – Ольга радостно улыбнулась. – И в коридоре никого, никто не сверлит спину подозрительным взглядом». Девушка без стука открыла дверь комнаты, тихо вошла. Анвар лежал, закинув руки за голову, грудь вздымалась ровно и спокойно. Она глядела и не могла наглядеться на его чеканный профиль, на чёрные волосы, в беспорядке рассыпавшиеся по подушке. Немыслимая нежность подступила к горлу, разлилась где-то там, у Ольгиного сердца, тёплой волной.

Почувствовав её взгляд, Анвар открыл глаза, улыбнулся. И вдруг вскочил.

– Оля!? Я думал, ты мне снишься? Ты как тут? Сбежала? Или что-то случилось?

– Абсолютно ничего, – Ольга смеялась, снимая куртку, протягивала к нему озябшие руки. – Никакого криминала, кроме того, что я приболела и отпущена домой!

– Лучшей новости и быть не может! Фу ты, чёрт, я не про болезнь...

Анвар обнял девушку, нежно и крепко, как после долгой разлуки, прижал к себе. Сильные руки сплелись за Ольгиной спиной, образовали замок, всё, он не отпустит теперь своё бесценное сокровище. Никогда! Их поцелуй, сначала робкий, длился и длился, набирал силу. Его изголодавшиеся губы становились смелее, спустились к её груди, ждавшей и жаждавшей ласки. Блузка, лифчик, убрать всё, что мешает, долой! Молодой человек целовал её тело мучительно и сладко, вбирая в себя бархатные бугорки на груди, ласкал их языком, пробовал на вкус и задыхался от счастья, сходил с ума. Потом сдвинул вместе нежные округлости, уткнулся лицом в это белое великолепие, не оторвать! А сердце билось взволнованно и радостно, двести ударов в минуту...

«Боже, пусть это не заканчивается никогда», – думала Ольга, наслаждаясь головокружительным ощущением близости с любимым человеком. Руки девушки, вне её желания, растегнули пуговицу на мужской рубашке, потом ещё одну, и ещё... И пропади всё пропадом! Теряя остатки воли, она сняла эту вещь, ненужную, лишнюю, прижалась щекой к груди Анвара. Закрывает глаза, и только ресницы трепетали в невыразимой истоме. Его руки заскользили по Ольгиной спине, прижимая бёдра подруги к своим, в инстинктивном и страстном желании впитать в себя любимое, соблазнительное тело.

И мир перестал существовать. Они упали на узкий, пыльный диван, обнимая друг друга жарким дыханием. Ещё минута, и влюблённые растворятся друг в друге. Ещё минута, и исполнится его желание обрести себя внутри тела любимой. Ещё минута... А с коврика на стене печально и осуждающе смотрели на них пятнистые олени...

Потом, смущённые, они сидели на том же диване, пили чай с ванильными сушками. И отводили глаза. «Вдруг осуждает, отвернётся?» – думала Ольга. – Нет, она не переживёт, нет». Ей было и хорошо, и стыдно. А ещё странно и непонятно. Как разобраться в том, что случилось?

«Эти минуты, что были – бесценны», – думал Анвар. В его сердце не было никаких сомнений. Он знал, сегодня был самый счастливый день в его жизни. Её тихое дыхание рядом – это и есть настоящее, стопроцентное счастье.

Глава 6

Александр поставил точку в конспекте по безопасности движения, закрутил колпачок шариковой ручки. Сколько можно писать, он уже устал разлиновывать поля в тетрадке?! Ёлы-палы, как в школе. «К счастью, на сегодня всё, – подумал Сашка, – а то приелся мне этот класс, как сухое сено беззубой кобыле». Он огляделся. Народ поднимался из-за столов, кое-кто уже потянулся к выходу, на ходу складывая тетрадки в портфели и сумки. Пожилой преподаватель снимал засаленные плакаты, развешенные на доске, свёртывал их в трубочки.

Уже третью неделю, как Александр Веселов стал прилежным учеником, осваивает профессию помощника машиниста. Шутка сказать, будет водить электропоезда метро. Приехав в Москву, он быстро определился с выбором. Работник метрополитена – звучит! К тому же здесь и стипендия, и общежитие, сразу решалась пара насущных проблем. Вот только просиживать штаны на занятиях у него получалось с трудом. Сашка и в школе особой усидчивостью не отличался, он больше по хулиганской части. А ещё вполне успешно справлялся с ролью первого школьного красавца, грозы наивных десятиклассниц. Взмах ресницами, насмешливая улыбка, тонкий комплимент, и очередная Танечка уже смотрела ему в рот, ловила взгляды.

Но вот встретил Ольгу, и как подменили парня. Никакие девчонки ему больше не нужны, только она, Оля Горская. На ней сошёл белый свет клином, и никак теперь без неё бедному Сашке. Застряла девчонка занозой в сердце, в этой глупой четырёхкамерной мышце, хоть плачь! В Москву из-за неё сорвался, родители до сих пор в шоке!

Через неделю в вузах начинаются занятия, какое счастье! Значит, увидит Сашка скоро свою зазнобу, свою желанную подругу. Скажет ей о своих чувствах, и будь что будет!

А в это время Ольга, предмет его воздыханий, в объятиях Анвара изнывала от нежности, глубокой и чувственной. Он целовал её в губы, в улыбку, которую находил ангельской, потом изучал губами девичье тело, находя его восхитительным, совершенным. Ох уж поцелуи – особый разговор влюблённых сердец. Задыхаясь, не в силах переносить эту сладостную пытку, они бросались на старенький диван, немой свидетель их любовных утех.

В дверь завозились, забарабанили, эх, как не вовремя! «Слышь, телеграмма тебе, открывай», – крикнул пьяненьким голосом Вадим, сосед по квартире.

Телеграмма была короткой. «Срочно вышли вузовскую справку требует военкомат», – телеграфировал отец.

Как громом поражённый, Анвар застыл в коридоре, сжимая в руках злополучный листок. В дверь выглянула Ольга. «Что там? Что-то случилось?! – спросила взволнованно, предчувствуя неприятности. Молодой человек молчал. Он всегда молчал, когда был расстроен, об этой особенности его характера хорошо знали родители. Девушка взяла из рук Анвара телеграмму, прочитала, испуганно взглянула ему в лицо, протянула: «Ну, дела...»

Анвару стукнуло восемнадцать в последних числах августа, праздник отмечали всей многочисленной роднёй, как всегда, широко, с размахом. Тогда ему было не до веселья, в мыслях он уже был в Москве, в долгожданной новой жизни. И о службе в армии юноша не думал вообще, считая это делом далёкого будущего. И даже теперь легкомысленно игнорировал эту проблему. Казалось, что всё устроится само собой, отец посодействует, позвонит, куда надо. Кстати, о звонке, надо срочно идти на телеграф и связаться с отцом. Ещё не вечер, ещё ничего не потеряно. Он готов получить по полной и стойко перенести праведный гнев родителя. Ничего не поделаешь, заслужил.

– Как, не поступил?! Ты шутишь? Почему мы с матерью ничего не знаем?

Молодой человек что-то мямлил, говорил о невозможном русском языке, в котором он никогда не был силён, потом затихал, слушая ответные гневные речи. Несмотря на сотни километров, разделявших их, голос отца гремел так, что, казалось, звенели стекла маленькой теле-

фонной кабинки. Когда буря стихла, Мансур Рашидович, не прощаясь, бросил трубку, предварительно велел ему звонить завтра в семь. Уф! С пунцовыми щеками Анвар выбрался в зал, где ждала его Ольга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.